DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR

NUMBER FIVE

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1979

**DOCUMENTS OF THE HELSINKI
WATCH GROUP IN THE USSR**

NUMBER FIVE

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

**ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ
ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ**

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

Составитель Л. Алексеева

**KHRONIKA PRESS
NEW YORK, 1979**

Documents of the Helsinki Watch Group in the USSR

Copyright © 1979 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

Manufactured in USA

СОДЕРЖАНИЕ

Документ № 28. О голодовке Петра Винса	5
Документ № 30. О нарушениях почтовой и телефонной связи	6
Документ № 31. Об аресте Льва Лукьяненко	10
Документ № 32. О праве на свободу выбора страны проживания	13
Документ № 33. В защиту Зиновьева	16
Документ № 35. Заявление о Совещании в Белграде	17
Документ № 36. О создании свободного профсоюза	18
Документ № 37. Социальное обеспечение	19
Документ № 38. О положении инвалидов	22
Документ № 39. О Совещании в Белграде	24
Документ № 40. Заявление по делу Анатолия Щаранского	25
Документ № 41. О лишении П.Г. Григоренко советского гражданства	26
Документ № 42. О лишении М. Ростроповича и Г. Вишневу советского гражданства	27
Документ № 43. Дискриминация крымских татар. Мустафа Джемилев	28
Документ № 45. Преследования адвентистов	30
Документ № 46. Лишение права на труд и права на жилище по политическим мотивам	33
Документ № 47. Злоупотребления законодательством о труде	36
Документ № 48. Десять лет "Хронике текущих событий"	41
Документ № 49. О нарушении права колхозников на эмиграцию и на выход из колхоза	42
Документ № 50. Суд над профессором Юрием Орловым	46
Документ № 51. Арестован Александр Подрабинек	48
Документ № 53. Дополнение к документу № 50	50

Документ № 54. Об осуждении В. Слепака и И. Нудель	54
Документ № 55. Об Олимпийских играх в Москве 1980 г.	55
Документ № 56. О процессах А. Шаранского, В. Пяткуса и А. Гинзбурга	57

Украинская группа

Меморандум № 18. О дискриминации украинцев в области права на эмиграцию	63
--	----

Литовская группа

О положении в Литве	69
Документ № 7. О заявлении Эрика Удама	74
Документ № 8. О положении пятидесятника Виктора Васильева	74
Документ № 9. О положении бывших политзаключенных	75
Документ № 10. Об аресте Балиса Гаяускаса	77
Документ № 11. Об обращении Энна Тарто	78
Документ № 12. О положении Альгирдаса Жипре	78

Документ № 28

В канун Нового года идет двадцать третий день голодовки Петра Винса в Дарницкой тюрьме Киева. Петр Винс, 22-х лет, член Украинской группы "Хельсинки" – сын духовного руководителя баптистов СССР Георгия Винса, находящегося в заключении.

8 декабря Петр Винс был снят в Дарнице с поезда Киев – Москва и избит, а 9 декабря приговорен к 15 суткам заключения. Мы знаем Петра Винса как чрезвычайно деликатного, спокойного, владеющего собой человека. Мы уверены, что он является жертвой заранее подготовленной провокации.

Арест Винса 8 декабря, видимо, не случаен, т. к. 10 декабря в Москве была демонстрация в честь Международного дня прав человека. В Москве 10 декабря многие диссиденты находились под домашним арестом.

С первого дня заключения Петр Винс в знак протеста объявил голодовку. По истечении 15 суток Винса не выпустили, и срок заключения был продлен еще на 15 суток "за отказ выходить на работу".

Петр Винс находится в тяжелом и опасном положении, т. к. не получает искусственного кормления.

Мы требуем немедленного освобождения Петра Винса – речь идет о спасении его здоровья, а возможно, и о спасении жизни совсем еще молодого, благородного и мужественного человека.

31 декабря 1977 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

О НАРУШЕНИЯХ ПОЧТОВОЙ И ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В мае 1976 г. Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР уже сообщала мировой общественности о нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи (Документ № 2).

Положение в этой области за последующий период еще более осложнилось, что заставляет нас вновь вернуться к данному вопросу.

Власти СССР продолжают нарушать международные обязательства и внутренние законы в области контактов между людьми и свободного обмена информацией. В настоящем документе мы (как и в Документе № 2) коснемся лишь небольшого круга вопросов из этой области, а именно — почтово-телеграфно-телефонной связи между людьми.

Значительная часть почтово-телефонных отправок, присылаемых в СССР и отсылаемых гражданами СССР за границу, не доходит до адресатов. Как показывает практика, в первую очередь "исчезают" самые информативные отправления (письма), что дает основание считать, что какая-то часть этих писем перлюстрируется, что является грубым нарушением ст. 56 Конституции СССР (см. Приложение № 2).

Это в первую очередь касается корреспонденции инакомыслящих: правозащитников, евреев и немцев — отказников, представителей "неофициальных религиозных групп" и т. п.

Примеров этому можно привести множество. Так, например, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР рассылала копии своих документов в посольства стран — участниц Хельсинкского совещания: ни одно уведомление о вручении не было получено. Братья Исай и Григорий Гольдштейны из Тбилиси подали в суд на почтовую службу, т. к. почта отказалась им выплатить, в соответствии с Международной почтовой конвенцией, компенсацию за десятки недоставленных писем. В иске им было отказано без объяснения причин.

В СССР корреспонденция в иностранные посольства и из них приравнивается к международной и проходит через Международный почтамт в Москве.

Пашнин Евгений с мая 1977 г. не может добиться рассмотрения в Воркутинском городском суде Коми АССР дела о взыскании 108 рублей за недоставленные адресатам и якобы утерянные 8 писем в Израиль и 1 письмо в США.

Во время голодовки семьи Владимира Слепака (апрель-май 1975 г.) только из США им было выслано около 5 тысяч телеграмм. Получили... одну. Более 300 писем, посланных Нийоле Садунайте из Англии, верну-

лось к отправителям. Из более чем 1 000 писем Галине Саловой и нескольких сотен писем Крониду Любарскому, посланных организацией "Эмнисти Интернейшнл", не было доставлено ни одно.

То же самое происходит с бандеролями и посылками, присылаемыми родными и знакомыми из Израиля, США, Англии и других стран. Особо следует отметить факты недоставки приглашений (вызовов) из Израиля.

Многие ждут получения вызова по году и более, хотя родные им сообщают, что высылали вызовы несколько раз. Помимо недоставления корреспонденции бывают случаи, когда в телеграфном отделении отказываются принимать телеграммы. Так, например, один из верующих христиан-пятидесятников города Находки Приморского края сообщил, что 20 декабря 1977 г. в почтамте им была подана телеграмма президенту Картеру следующего содержания:

Поздравляем Вас с Рождеством Христовым. Слава Богу, на земле мир, в человеках благоволение... Желаем здоровья и успеха в Ваших усилиях в защите Прав Человека. Просим Вас и весь американский народ совершить молитву в День Рождества за тех, кто не имеет свободы вероисповедания.

Церковь христиан-пятидесятников города Находки

21 декабря Перчаткина вызвали в почтамт, и человек, представившийся как работник почтамта, вернул ему деньги и заявил, что телеграмма не может быть принята, так как порочит советский государственный строй.

Практика выключения телефонов началась в мае 1972 г., накануне первого визита президента Никсона в СССР. В то время было выключено 12 телефонов у активистов борьбы за право евреев репатрироваться в Израиль. В ответ на запросы владельцы выключенных телефонов получали "уклончивые" устные ответы типа: "повреждение кабеля", "неисправность линии" и т. п. 31 августа того же года, пытаясь придать вид законности фактам выключения телефонов, Совет Министров СССР издал постановление о дополнении ст. 74 Устава связи СССР абзацем, запрещающим "использование телефонной связи ... в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку" (см. Приложение № 3). Это постановление и находится в явном противоречии со ст. 56 Конституции СССР (см. Приложение № 2), ибо как можно определить, используется ли телефон "в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку", обеспечивая тайну телефонных переговоров? Более того, это дополнение к ст. 74 Устава связи СССР является прямым и официальным признанием факта подслушивания телефонных разговоров в Советском Союзе. При этом в законе не установлено, какой орган власти имеет право решать вопрос о том, противоречит ли тот или иной разговор "государственным интересам". Выключение телефонов производится соответствующим узлом связи, явно правомочным решать подобные вопросы. После дополнения ст. 74 Устава связи СССР буквально началась "охота" на телефоны. Стоило лишь 1-2 раза поговорить с кем-либо из-за рубежа и упомянуть о нарушении прав

или незаконных действиях советских органов, как телефон отключался. Отключался он и в тех случаях, когда кто-либо из другого города сообщал о произволе местных властей и даже если разговоры происходили внутри города. В последнее время дошло до того, что стали выключать не "за разговоры", а исходя из того, кому он принадлежит или кто туда звонит. Не гнушаются и выключением общих телефонов в коммунальных квартирах. При запросах дается стереотипное устное (по телефону) объяснение: "Телефон выключен в соответствии с п. 74 Устава связи СССР". (Список выключенных телефонов приведен в приложении.) Добиться какого-либо письменного объяснения или обжаловать эти действия — невозможно. Так, например, Ирина Жолковская-Гинзбург отправила 10 писем в различные организации: районный телефонный узел, городской телефонный узел, Министерство связи СССР, Президиум Верховного Совета СССР. Все ее письма, судя по уведомлениям о вручении, доставлены адресатам, но ни на одно из них она не получила ответа. Все попытки владельцев выключенных телефонов добиться судебного разрешения спора с узлами связи оказываются тщетными, т. к. суды даже не принимают эти дела к рассмотрению.

В тех случаях, когда активиста правозащитного, эмиграционного или религиозного движения вызывают на переговорный пункт, обычно или уведомление приходит после назначенного времени разговора, или, если человек приходит вовремя, разговора, как правило, не дают. При этом ему говорят, что вызова нет, а вызываемому говорят, что вызываемый не явился. Если все же разговор состоится, то после первых же "крамольных" фраз разговор прерывается или включается заглушающий сигнал. Все приведенное показывает, насколько советские власти сопротивляются обмену информацией с Западом, насколько они стараются, нарушая международные соглашения и свои собственные законы, сохранить разваливающиеся остатки железного занавеса.

Кроме того, советские власти всякими незаконными, но доступными госаппарату средствами стараются затруднить получение группами содействия выполнению Хельсинкских соглашений, отделением "Эмнисти Интернейшнл" и активистами движения евреев за репатриацию в Израиль информации о нарушениях прав человека местными властями на периферии.

Мы обращаемся к участникам Белградского совещания с просьбой не допустить, чтобы практика удушения свободного обмена информацией восторжествовала в Советском Союзе, как бы горячо ни убеждала советская делегация в Белграде, что это — "внутреннее дело" Советского Союза, не допускающее вмешательства извне.

Приложения:

1. Список выключенных телефонов (здесь не приводится — *Ред.*).
2. Статья 56 Конституции СССР.
3. Постановление Совета Министров СССР от 31 августа 1972 г.

2 февраля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Конституция СССР

Статья 56. Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом.

Постановление Совета Министров СССР

О дополнении статьи 74 Устава Связи Союза ССР

Совет Министров Союза ССР постановляет:

Дополнить статью 74 Устава Связи Союза ССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 27 мая 1971 г. № 316 (СП СССР 1971, 110, ст. 83), после первого абзаца абзацем следующего содержания:

"Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку".

Председатель Совета Министров СССР

А. Косыгин

Зам. Управляющего Делами Совета Министров СССР

К. Селиванов

Москва, Кремль
31 августа 1972 г.
№ 655

Репрессии против членов Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР продолжают. Как уже сообщалось Украинской группой "Хельсинки," 12.XII.77 г. в г. Чернигове арестован член Украинской группы Левко Лукьяненко. Это уже пятый член Украинской группы "Хельсинки", подвергнутый аресту, причем Микола Руденко и Олекса Тихий уже осуждены к непомерно жестокому наказанию, а Матусевич и Маринович много месяцев находятся в заключении без суда. Напомним, что помимо Украинской преследованиям подвергались и члены других созданных в СССР групп "Хельсинки": А. Гинзбург, Ю. Орлов, А. Щаранский и М. Ланда — Москва; З. Гамсахурдиа, М. Костава, В. Пайлодзе, В. Рихиладзе — Грузия; В. Пяткус и Б. Гаюскас — Литва. Краткосрочным арестам подвергались П. Винс (Украина) и Г. Гольдштейн (Грузия). Обыски, вызовы на допросы, лишение возможности работать по специальности — уже не в счет.

Эти преследования с несомненностью свидетельствуют о запланированном властями удушении и уничтожении созданных в СССР групп "Хельсинки". Каждый из их членов живет под постоянной угрозой репрессий.

Трагическая судьба Левко Лукьяненко вызывает особую тревогу. Лукьяненко 50 лет. Из них — 15 лет тюрем и лагерей.

После отбытия полностью 15 лет заключения Лукьяненко в 1975 г. был поселен в г. Чернигове. Неполных 2 года его "свободной" жизни под гласным адмнадзором милиции сопровождались обысками, допросами, перлюстрацией личной переписки.

15 лет лагерей не сделали его равнодушным к людям, не отучили его любить свою страну.

В ноябре 1976 г. Лукьяненко вступил в Украинскую группу "Хельсинки". И вот — новый арест.

Как всегда в случаях политических репрессий, власти не дают информации о том, какие обвинения предъявлены арестованному. Но известно: Лукьяненко не только не совершал, но никогда не призывал к совершению насильственных действий и противозаконных поступков. Поэтому очевидно, что арест Лукьяненко вызван его деятельностью в Украинской группе "Хельсинки".

Мы вместе с членами Украинской группы содействия глубоко обеспокоены судьбой Лукьяненко и присоединяемся к их заявлению, считая, что совещание в Белграде не выполнит своего назначения, если члены общественных Групп содействия будут оставаться в тюрьмах или лагерях. Одновременно мы хотим подчеркнуть, что судьба Лукьяненко, новый его арест являются типичной расправой над людьми, уже отбывшими

срок по политической статье. После освобождения такие люди практически навсегда лишены возможности заниматься общественной деятельностью, свободно общаться с людьми, не говоря о том, что они находятся под гласным надзором.

Сохранение верности своему мировоззрению у таких людей влечет новые суды над "повторниками", и они рассматриваются как рецидивисты и осуждаются особенно жестоко. Недавнее осуждение Олексы Тихого – типичный пример такого осуждения.

Призывая к защите адвоката Левко Лукьяненко, мы еще раз одновременно призываем к защите всех ранее арестованных членов Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

2 февраля 1978 г.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: *Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Виктор Некипелов, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.*

Приложение

Белградскому Совещению по оценке выполнения Хельсинкских соглашений

12 декабря 1977 г. в Чернигове на Украине органами КГБ арестован адвокат и журналист Левко Лукьяненко. Начиная с руководителя Группы Миколы Руденко, за тюремную решетку брошен пятый по счету член Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

"Дело № 39", по которому арестовали Левко Лукьяненко, начато еще 10 февраля 1977 г., когда был арестован М. Руденко. Материалы "дела" – деятельность Украинской группы "Хельсинки", ее документы о нарушениях прав человека на Украине. В судебном приговоре Руденко и Тихого выражена официальная точка зрения властей на всю Группу в целом. Первые четыре документа охарактеризованы судом как "антисоветские", и таким образом каждый член Группы поставлен под угрозу заключения.

После ареста Руденко, Тихого, а затем Мариновича и Матусевича Группа выпустила еще ряд документов (последний – Меморандум № 18 – о дискриминации украинцев в праве на эмиграцию), ответственность за создание которых, возможно, будет возложена на Л. Лукьяненко. Не исключено, что органы КГБ используют для обвинения Лукьяненко и другие предлоги, в частности его заявление в Верховный Совет о выезде из СССР или даже сфабрикованные показания о его "антисоветских" высказываниях (о таких попытках КГБ он как раз сообщает в своем заявлении).

Только неполных два года провел Л. Лукьяненко "на свободе" (под надзором милиции), после того как отбыл 15 лет тюрьмы и лагерей – всего лишь за мысли и юридические рассуждения о праве Украины на самоопределение, праве, гарантированном советской Конституцией.

Повторное обвинение в "особо опасном государственном преступлении" грозит ему таким же жестоким приговором, какой уже вынесен Алексе Тихому, — 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

Спасти Лукьяненко от этой участи могут только немедленные, задолго до суда, действия в его защиту, в первую очередь — со стороны правительств и общественности стран, подписавших соглашения, за полное и честное выполнение которых он боролся.

18 декабря 1977 г.

Члены Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: *О. Бердник, И. Кандыба, В. Калиниченко, О. Мешко, В. Стрельцов, Н. Строкатова.*

Поддерживаем обращение Украинской группы "Хельсинки" в защиту Лукьяненко: *А. Лавут, Т. Великанова.*

Одним из часто нарушаемых в СССР прав человека является право на свободу выбора страны проживания и свободу поездок в другие страны. При этом власти СССР не считают обязательным сообщать, по какой причине тому или другому лицу отказано в выезде или поездке. Как пример нарушения свободы поездок мы приведем случай доктора Веры Ливкач, единственная дочь которой с 1971 года проживает в Израиле. Отказ в поездке в эту страну объясняется отсутствием дипломатических отношений. Доктор Ливкач подала вторично документы на поездку не в Израиль, а в Австрию, где проживает ее родственница. В этом случае отказ был мотивирован дальностью родства. В третий раз В. Ливкач подала документы, чтобы получить разрешение на приезд дочери в Москву. Последовавший отказ просто не был мотивирован, а 74-летняя женщина лишается даже надежды на встречу с дочерью, если не уедет из страны совсем, чего она по личным соображениям делать не хочет.

У немцев, желающих выехать из СССР, часто не принимают документы к рассмотрению, считая, что вызовы, предъявляемые ими, не от достаточно близких родственников; но часто отказы бывают и тогда, когда вызовы приходят от родителей или родных братьев и сестер.

Наиболее частой причиной отказа является так называемая секретность. Причем никакими положениями сроки секретности не оговорены, так же как не существует перечней реально секретных работ и учреждений. Сошлемся на письмо академика А. Сахарова о докторе Ю. Гольфанде и докторе Н. Меймане, адресованное Американской Федерации Ученых.

Как приложение к данному документу мы даем письмо бывших студентов и преподавателей Московского физико-технического института о том, что ряд выпускников его получили разрешение и выехали из страны, тогда как другие по соображениям "секретности" получили отказ. Настоящее письмо и списки лиц, выехавших и получивших отказ, также приложенные к настоящему документу*, интересны еще и тем, что среди лиц, получивших отказ, значится Анатолий Щаранский. Он добивался разрешения на выезд с 1973 года, а в настоящее время находится в следственном изоляторе КГБ, обвиняемый в государственной измене. Рядом в списке значатся два его соученика — И. Шерман и Л. Коган, оба получившие разрешение на выезд в 1974 году.

Внимательное прочтение списков дает ясное представление о том, что слово "секретность" часто решает судьбу того или иного лица или его семьи абсолютно вне реального обладания секретностью, т. е. государственной или военной тайной.

* Эти списки здесь не приводятся. — Ред.

Р. С. Считаю необходимым, чтобы настоящий документ Группы стал известен господам адвокатам Анатолия Щаранского, как имеющий значение для его защиты.

2 февраля 1978 года

Члены Группы: Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Документ составила Е. Боннэр.

Приложение к Документу № 32

*Профессорам, преподавателям, выпускникам
и студентам всех университетов*

Дорогие коллеги!

С 16 марта 1977 г. в следственной тюрьме КГБ в Лефортове, Москва, находится наш коллега 29-летний ученый Анатолий Щаранский. Ему предъявлено самое серьезное из всех возможных обвинений — обвинение в измене Родине, караемое в соответствии с советскими законами (ст. 64а Уголовного кодекса РСФСР) 10-15 годами лагерей или *смертной казнью!* Такой приговор ожидает человека потому, что он мужественно отстаивал естественное право на эмиграцию — право выбора места жительства и работы.

Анатолий Щаранский в 1972 г. окончил Московский физико-технический институт (МФТИ), защитив дипломную работу, посвященную математическому программированию шахматных партий. Его научная работа была, естественно, совершенно открытой. В 1973 г. ему было отказано в разрешении на выезд из СССР под предлогом того, что он якобы располагал "секретной информацией". При этом подразумевалось, что источниками этой информации являлись учебные курсы, прослушиваемые студентами МФТИ. Нам, преподавателям и выпускникам МФТИ, хорошо известна система образования в этом институте, и мы авторитетно заявляем, что информация, полученная Анатолием Щаранским за время обучения, не содержит никакой государственной или военной тайны. Это видно хотя бы из того, что соученики Щаранского (Игорь Шерман, Лев Коган), прослушавшие те же курсы, что и он, получили разрешение на выезд еще в 1973 г. и давно являются гражданами других государств.

После получения отказа в выезде А. Щаранский всеми легальными методами боролся за возможность переехать в Израиль, где с 1974 г. его ждет жена. Четыре творческих года молодого ученого были пожертвованы борьбе за элементарные человеческие права. Следует подчеркнуть, что А. Щаранский никогда не предпринимал никаких действий, угрожавших советскому государственному или общественному строю. Несмотря на угрозы и преследования, он систематически раскрывал перед мировой

общественностью факты нарушения прав человека в СССР. Именно за это, а не за какие-то вымышленные действия по сбору секретной информации невинному человеку грозит сейчас долготетнее заключение или смертная казнь.

Попробуйте представить себе ситуацию, когда американский или английский ученый, захотевший переехать жить и работать в другую страну, где к тому же живет его жена, рискует попасть в концентрационный лагерь или быть казненным. Именно это произошло с молодым математиком Анатолием Щаранским.

Каждому настоящему ученому дороги справедливость и права человека. Мы, выпускники и преподаватели МФТИ, призываем вас использовать свои возможности и влияние, чтобы не допустить повторения в наши дни кошмарного дела Дрейфуса. Мы верим в солидарность ученых и считываем на ваши активные действия в защиту Анатолия Щаранского.

Бывшие студенты и преподаватели МФТИ: Ю. Ярым-Агаев, Л. Улановский, А. Лернер, М. Хант, В. Файн, Э. Финкельштейн, И. Гурвич, Е. Цырлин, В. Эйдус, В. Бахмин, В. Герцоерг, Е. Паргаманик.

В ЗАЩИТУ ЗИНОВЬЕВА

Александр Зиновьев — доктор наук, профессор философии по разделу математической логики, член Финской Академии наук, автор многих известных научных трудов.

В сентябре 1976 г. в Швейцарии была издана его художественно-философская книга "Зияющие высоты", получившая широкую известность за рубежом и уже переведенная на ряд европейских языков. Книга эта удостоена в декабре 1977 г. литературной премии в Швейцарии.

Вскоре после выхода этой книги, 19 января 1977 г., Александр Зиновьев был уволен с работы старшего научного сотрудника Института философии Академии наук СССР, а затем лишен всех своих ученых степеней и званий (решение Ученого совета Института, утвержденное ВАКом).

Участник Великой Отечественной войны, бывший военный летчик лишен боевых орденов и медалей, о чем ему не выдан, но зачитан соответствующий Указ.

У А. Зиновьева незаконно отключен телефон, корреспонденция его перехватывается. Всякая возможность контактов с зарубежными учеными исключена. На родственников и друзей Зиновьева оказывается систематическое давление с целью изолировать его от близких людей. Милиция и райсовет вызывают его для объяснений, "как уклоняющегося от трудовой деятельности".

Комитет государственной безопасности четырежды вызывал Зиновьева на допросы (в том числе один раз — с насильственным приводом).

Александр Зиновьев получил приглашение от Мюнхенского университета прочесть курс математической логики. 16 мая 1977 г. Зиновьев подал в ОБИР заявление с просьбой разрешить ему выезд в Федеративную Республику Германии для прочтения курса лекций. Через восемь месяцев, 25/1-78 г., он получил устный немотивированный отказ.

Таким образом:

1. Александра Зиновьева преследуют, лишают работы и средств к существованию не за какие-либо действия, а за мысль. За независимую, нерегламентированную, не подчиненную диктату мысль, за свой собственный философский взгляд на вещи и явления.

2. Александр Зиновьеву не разрешают поездку за границу для научной работы, нарушая этим соглашение о научных контактах, хотя, работая в области философии и математической логики, он не владеет никакими государственными тайнами.

Имя А. Зиновьева широко известно на Западе. Его трагическая судьба не может не волновать людей доброй воли. Но мы должны отметить, что нарушения прав человека, допущенные по отношению к Зиновьеву, типичны для СССР и подобным преследованиям подвергаются многие.

Февраль 1978 г.

Е. Боннэр, С. Каллистратова, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, В. Слепак.

ЗАЯВЛЕНИЕ О СОВЕЩАНИИ В БЕЛГРАДЕ

В связи с вето, о котором заранее заявил глава советской делегации на Совещании в Белграде, на упоминание в итоговом документе Совещания вопроса о правах человека и об оценке выполнения соглашений в Хельсинки странами-участницами мы считаем необходимым сделать следующее заявление:

1. В Хельсинки западные страны пошли на такие существенные уступки, как признание незыблемости послевоенных границ и жизненно необходимое Советскому Союзу сотрудничество в технологии и экономике. Единственные уступки с советской стороны заключались во включении в Соглашение гуманитарных статей и ссылки на периодический созыв совещаний по проверке выполнения соглашений в Хельсинки.

2. Основным объектом проверки выполнения соглашений в Хельсинки являются именно гуманитарные разделы этого Соглашения. Это следует из того, что незыблемости границ ничто не угрожает. Вопросы экономического и технического сотрудничества непрерывно рассматриваются на различного рода двусторонних и многосторонних переговорах, а вопросы сокращения вооружений в Европе рассматриваются на посвященных этому вопросу переговорах в Вене.

3. Вето, которым угрожает советская делегация, лишает смысла и содержания как гуманитарные разделы Соглашения, так и совещания по проверке выполнения Соглашения. Такое вето является фактическим отказом от Соглашения в Хельсинки.

4. Мы напоминаем наше предупреждение, содержащееся в обращении к Белградскому Совещанию (документ 26), о том, что срыв Совещания Советским Союзом под предлогом вмешательства в его внутренние дела был бы, конечно, большим несчастьем, длительной, но все же временной задержкой на исторически неизбежном пути разрядки. Но гораздо большим несчастьем, катастрофой с труднопоправимыми последствиями для всего будущего человечества была бы капитуляция перед угрозой срыва Совещания.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Группа содействия никогда не ставила и не ставит своей задачей непосредственное участие в деятельности различных ассоциаций или групп населения (религиозные общины пятидесятников, евангельские христиане-баптисты, адвентисты и др.; немцы, евреи, борющиеся за право выезда, крымские татары, ведущие борьбу за возвращение в Крым; политические заключенные, добивающиеся достойного обращения, медицинского обслуживания, нормального питания и бытовых условий и пр.). Задачей Группы является освещение фактов нарушения прав граждан или их отдельных групп и содействие выполнению этих прав в соответствии с Заключительным Актом.

Недавно в Москве были проведены пресс-конференции, на которых группа рабочих и инженерно-технических работников из различных городов сообщила, что они будут совместно добиваться осуществления своих прав в области техники безопасности производства, условий труда, справедливой оплаты и распределения жилой площади, защиты от незаконных увольнений, особенно после критических выступлений. Группа объявила о создании свободного профсоюза.

Мы заинтересованно следим за этой деятельностью и ожидаем сообщений о целях и задачах ассоциации. Мы надеемся, что создание свободного профсоюза будет иметь значение в развитии правосознания в нашей стране. В этой связи Группа содействия считает необходимым напомнить советской и мировой общественности, что создание его является правоммерным и основано на законе.

Статья 225 раздела XV Кодекса законов о труде ("Юридическая литература", Москва, 1972) гласит:

В соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР рабочим и служащим обеспечивается право объединения в профессиональные союзы. Профессиональные союзы действуют в соответствии с принимаемыми ими уставами и не подлежат регистрации в государственных органах. Государственные органы, предприятия, учреждения, организации обязаны всемерно содействовать профессиональным союзам в их деятельности. (Текст статьи приведен полностью.)

Связи Группы содействия со вновь организованным профсоюзом могут основываться на тех же принципах, как и с другими организациями. При этом мы полагаем, что цели и задачи этой ассоциации будут исходить из Всеобщей декларации прав человека и из Пактов о правах, на которые опирается Заключительный Акт Совещания в Хельсинки.

16 февраля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В ст. 22 Всеобщей декларации прав человека говорится, что "каждый человек как член общества имеет право на социальное обеспечение".

В ст. 8 Пакта об экономических, социальных и культурных правах устанавливается "право каждого человека на социальное обеспечение, включая социальное страхование".

Конституция СССР широко декларирует право граждан на материальное обеспечение в старости, в случаях болезней, инвалидности, потери кормильца.

В настоящем документе мы, не давая полного анализа системы социального обеспечения в СССР, останавливаемся лишь на двух вопросах, наиболее актуальных: праве на пенсию в зависимости от трудового стажа и размерах пенсий.

1. Основным видом социального обеспечения по старости и инвалидности являются пенсии по социальному страхованию. Рабочие и служащие не платят страховых взносов, считается, что пенсии выплачиваются за счет государства. Однако в действительности средства социального страхования образуются из определенного процента от фонда заработной платы, вносимого предприятиями и учреждениями. В статье профессора-экономиста Л. Бляхмана (журнал "Молодой коммунист" № 6 за 1963 г.) приведен такой расчет: "Из каждого рубля созданной работником стоимости 55 коп. выплачиваются ему в виде заработной платы, а 45 коп. поступают в общественные фонды потребления".

Вот часть этих фондов "общественного потребления" и составляет средства социального страхования, из которых и выплачиваются пенсии по старости и инвалидности (кроме инвалидности вследствие трудового увечья).

При такой системе социального страхования многочисленные категории трудящихся вовсе не имеют права на пенсионное обеспечение.

а) В стаж работы, дающий право на пенсию, не засчитываются годы труда в местах лишения свободы (т. е. труд заключенных).

При установленных законом длительных сроках лишения свободы десятки, если не сотни, тысяч людей, освободившихся из мест заключения*, не получают пенсий "из-за отсутствия достаточного трудового стажа", хотя они долгие годы трудились в тяжелых условиях заключения.

* Косвенные данные говорят, что заключенных не менее 1 % (одного процента) от всего населения.

б) Не имеют права на пенсию кустари, которые трудятся всю жизнь и создают материальные ценности, но не причисляются к категории рабочих и служащих.

в) Не назначаются пенсии бывшим колхозникам, которые прекратили работу в колхозе до издания закона о пенсиях для колхозников (1964 г.) и стали престарелыми или инвалидами, не "заработав" трудового стажа в качестве рабочих и служащих.

д) Не получают пенсий многие люди, не имеющие по тем или иным причинам возможности подтвердить строго официальным (установленным законом) способом наличие у них необходимого стажа работы.

е) Наконец, не получают пенсии престарелые или инвалиды, которые по тем или иным причинам не имеют требуемого законом стажа работы. Установленные законом случаи назначения так называемых пропорциональных пенсий (при неполном стаже) по старости требуют ряда условий (например, наступления пенсионного возраста в момент работы по найму и т. д.). Размеры этих "неполных" пенсий, как правило, ничтожны.

Строгая секретность статистики лишает нас возможности определить количество людей, не получающих пенсии по социальному страхованию, но не подлежит сомнению, что эта проблема актуальна не для единиц, а для значительной массы граждан СССР.

2. По данным Научно-исследовательского института труда, прожиточный минимум в СССР составляет 50 рублей на человека в месяц (это подтверждается Постановлением Совета Министров от 25.9.1974 г. о назначении пособий детям в малообеспеченных семьях, где совокупный доход на члена семьи не превышает 50 рублей. Кстати, это пособие составляет 12 руб. в месяц на одного ребенка и выплачивается только до восьмилетнего возраста).

Нет сомнения, что этот прожиточный минимум — это *минимум на грани нищеты*.

Однако установленный законом размер минимальных пенсий стоит за гранью и этого уровня нищеты.

Минимальный размер пенсий по старости — 45 руб. в месяц, это полная пенсия, пропорциональная, т. е. при неполном стаже — значительно ниже.

Минимальный размер пенсии для инвалидов второй группы — 45 руб. в месяц, а третьей группы — 21 руб. в месяц (при инвалидности, наступившей вследствие трудового увечья или профзаболевания, пенсии несколько выше).

Минимальные размеры пенсий нетрудоспособным членам семьи, потерявшей кормильца, составляют: 23 руб. в месяц на одного члена семьи; 45 руб. в месяц на 2-х членов семьи и 70 руб. в месяц на 3-х и более членов семьи.

Если умерший кормилец семьи не имел полного трудового стажа, то минимальная пенсия на одного члена семьи составляет 5 руб. в месяц; на 2-х членов семьи — 11 руб. в месяц; на 3-х и более членов семьи — 17 руб. в месяц.

Принятый в 1964 году закон о пенсиях для колхозников устанавливает при наличии определенного стажа работы в колхозе минимальные пенсии в размерах от 16 руб. до 35 руб. в месяц (в зависимости от степени утраты трудоспособности и других условий).

3. Республиканскими законодательствами для отдельных групп нетрудоспособных граждан, не имеющих права на пенсию по социальному страхованию, предусмотрена выплата ежемесячных пособий. Условия выплаты этих пособий резко ограничивают контингент лиц, получающих эти пособия, а размеры самих пособий (от 8 до 16 руб. в месяц) – ничтожны.

4. Нельзя не упомянуть и еще об одном виде "социального обеспечения", установленного законом: пособиях для матерей-одиночек (т. е. для женщин, не состоящих в замужестве, при не установленном судебным порядком отцовстве, дающем право на получение алиментов).

Государственные пособия одиноким матерям выплачиваются в следующих размерах: на одного ребенка – 5 руб. в месяц (стоимость 15-и литров молока!), на двух детей – 7 руб. 50 коп. в месяц, на трех и более детей – 10 руб. в месяц.

* * *

Краткий и далеко не полный обзор некоторых актуальных вопросов социального обеспечения в СССР свидетельствует о наличии в СССР значительных групп нетрудоспособных граждан, которые не получают никаких пенсий и пособий, и еще более многочисленных групп престарелых, нетрудоспособных и детей, получающих пособия, не обеспечивающие даже минимального – по советским нормам – жизненного уровня.

Поскольку экономические права, в том числе и право на удовлетворительный жизненный уровень инвалидов, престарелых и их нетрудоспособных членов семей (в том числе детей), являются неотъемлемой частью гражданских прав человека, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР считает своей обязанностью обратить внимание государств, подписавших Хельсинкские соглашения, на массовые, санкционированные действующим законодательством нарушения прав нетрудоспособных советских граждан.

9 марта 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

О ПОЛОЖЕНИИ ИНВАЛИДОВ

Настоящим обращением Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР обращает внимание советского правительства и международной общественности на необходимость создания в СССР свободной и независимой ассоциации инвалидов труда, детства, случая и общего заболевания, имеющих тяжелые поражения двигательных функций, может быть, такого же типа, как существующие в СССР Всесоюзное общество слепых и Всесоюзное общество глухонемых.

Неоднократные попытки группы активистов (из среды этих инвалидов) получить разрешение на создание своей общественной ассоциации натолкнулись на категорическое запрещение директивных органов. Считается, что вся забота об этих инвалидах должна осуществляться Министерством социального обеспечения.

Фактически же эти инвалиды находятся в бедственном и унижительном положении людей беспомощных, постоянно нуждающихся в помощи, без надежды получить эту помощь по самым существенным вопросам. Их жизнь — замкнутый круг разобщенной, одиночной, постоянной борьбы за существование далеко за пределами уровня бедности.

Чиновники Министерства социального обеспечения или не понимают и не хотят понять всей сложности проблемы возвращения инвалидов к полноценной жизни, или не могут решить эту проблему и сами становятся непреодолимым барьером к ее решению.

Поэтому инвалиды перечисленных выше категорий в СССР фактически лишены права на достойную работу, образование, отдых, хорошее питание, лечение (слишком дороги для инвалидов-пенсионеров лекарства), нормальную личную жизнь, физическую подготовку и спорт (в частности, участие в международных инвалидных Олимпийских играх).

Самые тяжелые категории инвалидов — с поражением двигательных функций — вообще фактически лишены права на самостоятельное передвижение, в отличие от положения в других развитых в техническом отношении стран, где выпускаются целые серии "механических помощников" и приспособлений, позволяющих инвалиду с известной долей самостоятельности передвигаться и дома, и на улице, различные варианты управления инвалидным мото- и автотранспортом.

У нас протезирование, ортопедия, разработка механических приспособлений находятся на чрезвычайно низком уровне по сравнению с мировыми стандартами.

Особенно значительна проблема транспорта. Мотоколяски убоги и ненадежны. Не разрабатываются новые модели с учетом особенностей разных форм инвалидности. Цены на автомашины для инвалидов спекулятивно завышены и, как правило, недоступны (льготная стоимость отменена). Эксплуатация и ремонт мотоколясок и автомашин труднодо-

ступны и дороги. Запасные части часто в дефиците. Бензин слишком дорог для людей, пенсии которых ничтожно малы. Общественный транспорт по своей конструкции недоступен для пользования большинству инвалидов.

При новом строительстве жилищ не учитываются нужды инвалидов с поражением двигательных функций, не переоборудуются существующие жилища и не строятся специально приспособленные для таких инвалидов квартиры и дома (напр., инвалид в коляске не может въехать в туалет, в ванную комнату, не может подняться по ступеням до лифта и т. д.).

Все было бы иначе при существовании свободной общественной ассоциации инвалидов с поражением двигательных функций, входящей в международную инвалидную организацию. Всесоюзное общество слепых и Всесоюзное общество глухонемых с налаженной системой образования, со своими разветвленными специальными производственными предприятиями — не только дают заработок инвалидам, но и способствуют их активному участию в жизни, помогают сохранять чувство собственного достоинства. В то же время, как известно, ВОС и ВОГ делают труд слепых и глухонемых экономически полезным и выгодным для государства.

Создание ассоциации инвалидов с поражением двигательных функций, ассоциации, которая позволила бы инвалидам объединить усилия одиноких, беспомощных людей, помогла бы вернуть к жизни сотни и сотни тысяч инвалидов, влачащих горькое существование, — это проблема огромного морально-нравственного значения.

Связи такой ассоциации с международными организациями инвалидов дали бы возможность в рамках культурного и технического обмена (устройство выставок протезов, технических приспособлений и спортивного оборудования для инвалидов, участие в разработке международных пактов об обязательных нормах мероприятий по реабилитации и возвращению инвалидов к активной жизни и т. д.) приблизить жизнь наших инвалидов к уровню жизни полноценных людей.

Отказ в разрешении на создание такой ассоциации противоречит Декларации прав человека и Конституции СССР.

Одновременно мы призываем инвалидов не мириться со своим унижающим человеческое достоинство положением, не дожидаясь помощи со стороны, организовывать свои инициативные инвалидные группы взаимопомощи, которые в будущем станут костяком свободной общественной инвалидной ассоциации.

9 марта 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

О СОВЕЩАНИИ В БЕЛГРАДЕ

Белградское совещание закончилось. Итоговый документ не отразил пятимесечных прений по различным аспектам выполнения Хельсинкского Акта и в частности по выполнению его гуманитарных аспектов. Итоговый документ вообще не содержит упоминаний о правах человека и является шагом назад по сравнению с самим Актом, утверждавшим неразрывную связь между соблюдением прав человека, безопасностью и сотрудничеством.

Все статьи любого международного договора являются обязательными для его участников. Поэтому утверждение СССР, что обсуждение вопроса о выполнении Советским Союзом гуманитарных статей Акта в Хельсинки является вмешательством во внутренние дела СССР, противоречит содержанию Заключительного Акта и подтверждает нарушение СССР принятых на себя обязательств. Демонстративным доказательством этих нарушений является арест 18 членов Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В Белграде происходили многомесячные прения по вопросу о правах человека. В ответ на обвинения западных стран в невыполнении гуманитарных статей Соглашения делегация СССР пыталась противопоставить вопросу о правах человека вопрос о социально-экономических правах. В действительности права личности тесно и непосредственно связаны с социально-экономическими правами, и нельзя противопоставлять одни другим. Без гарантии прав личности невозможно успешно защищать социально-экономические права. Это доказывается реальным положением дел в СССР, где социально-экономические права обеспечены намного хуже, чем в любой развитой демократической стране: зарплата ниже, например, чем пособие по безработице в ФРГ, а положение с пенсиями (см. документ Группы № 37) для целых категорий граждан просто постыдное. В СССР существует и скрытая безработица, отягощенная трудностями переселения внутри страны, отсутствием официальной статистики, а также пособий по безработице.

Мы усматриваем потенциальную опасность итогового документа и в том, что условия Совещания в Мадриде в 1980 году будут, в частности, определяться настоящим итоговым документом, не содержащим упоминания о правах человека.

Обстановка, сложившаяся после Белградского совещания, делает еще более необходимой и актуальной деятельность Групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Легальность и законность этой деятельности следует из подписи СССР под Заключительным Актом и ратификации Советским Союзом всех международных пактов, перечисленных в разделе 7 Заключительного Акта.

14 марта 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ АНАТОЛИЯ ЩАРАНСКОГО

15 марта исполняется год содержания Анатолия Щаранского в строгом заключении, без свиданий и переписки с родными. Советским законом допускается заключение до суда сроком не более 9-и месяцев. Наша ссылка на закон вовсе не означает, что мы в какой-либо мере одобряем этот закон и его практику. Девятимесячное жестокое заключение тоже не имеет оправдания и фактически является презумпцией виновности обвиняемого. Решительным контрастом с таким длительным следственным заключением является молниеносная, как мы знаем по опыту, быстрота судопроизводства.

Как и арестованные за месяц до него его друзья по Группе "Хельсинки" Юрий Орлов и Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский был арестован после публикации клеветнической статьи в советской прессе. Анатолий Щаранский обвиняется по статье 64 УК РСФСР в измене Родине, статье, предусматривающей наказание вплоть до смертной казни. Мы категорически отрицаем как лицемерное и клеветническое обвинение Анатолия Щаранского в какой-либо шпионской деятельности. Щаранский вызывал особое раздражение властей, являясь одновременно одной из ведущих фигур еврейского движения за репатриацию и движения правозащитников. Его арест и обвинение объясняются чисто политическими причинами.

Обвинение Анатолия Щаранского в измене Родине будит воспоминания о деле Дрейфуса, обвиненного в государственной измене во Франции в конце 19 века, и деле врачей в последние месяцы правления Сталина. Широкие демократические круги во всех странах прекрасно понимают, что Анатолия Щаранского обвиняют за его общественную деятельность.

15 марта 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

О ЛИШЕНИИ П.Г. ГРИГОРЕНКО СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля (за подписью Председателя Президиума Верховного Совета Брежнева и Секретаря Георгадзе) Петр Григорьевич Григоренко лишен советского гражданства. В ноябре 1977 года Григоренко получил разрешение на шестимесячную поездку в США для лечения и в гости к сыну. Такое разрешение соответствует духу и букве Хельсинкского Акта.

У себя в стране и за рубежом Григоренко широко известен как мужественный и стойкий человек, отдавший силы и здоровье борьбе за соблюдение прав человека в СССР, выступавший против культа личности, против политики невозвращения крымских татар в Крым, против использования психиатрии в репрессивных целях. За свою стойкость и мужество Григоренко тяжело и несправедливо заплатил годами несвободы и ужаса пребывания в психиатрических тюрьмах. У Григоренко за плечами тяжелый жизненный путь труженика и доблестного солдата, защищавшего СССР в двух войнах, дослужившегося до звания генерал-майора, награжденного пятью орденами и несколькими боевыми медалями. Все лично знавшие Григоренко всегда подпадали под обаяние его личности, его деятельной доброты и отзывчивости, его широты и его терпимости. Вся общественная деятельность Григоренко была легальной и гласной, основывалась на законах и Конституции СССР. Последние годы Григоренко активно работал в Московской и Украинской группах содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, членом которых он являлся со дня их основания.

В указе Верховного Совета СССР сказано, что Григоренко лишен гражданства за систематические действия, наносящие ущерб престижу СССР, но никакой общественной деятельностью во время пребывания в США Григоренко не занимался. Значит, так оценивает Верховный Совет всю жизнь и всю деятельность Григоренко в СССР.

Направляя этот документ главам государств и правительствам стран, подписавших Хельсинкское соглашение, Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений просит их употребить свое влияние на то, чтобы Григоренко была предоставлена возможность вернуться в СССР и перед открытым судом доказать, что вся его общественная деятельность была направлена на защиту престижа своей страны и своего народа, на защиту прав человека и тех международных соглашений и пактов, которые подписаны руководителями СССР и ратифицированы советским правительством. Если Григоренко не будет предоставлена возможность вернуться в СССР, то тем самым будет нарушено не только его право на свободный выбор страны проживания, но и его право на защиту.

15 марта 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

О ЛИШЕНИИ М. РОСТРОПОВИЧА И Г. ВИШНЕВСКОЙ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР по следующим причинам протестует против лишения Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской советского гражданства и лишения их возможности вернуться на родину.

1. Лишение гражданства Ростроповича и Вишневской противоречит международным обязательствам советского правительства, а именно — Пакту о политических и социальных правах, Всеобщей декларации прав человека и Соглашению в Хельсинки.

2. Самый выдающийся виолончелист нашего времени Мстислав Ростропович и известная певица Галина Вишневская своей артистической деятельностью завоевали симпатии и уважение миллионов людей во всем мире, а восхищение перед талантом артиста и благодарность слушателей распространяются и на его родину и увеличивают ее престиж. Никакое правительство не имеет права отождествлять свой престиж с престижем управляемой им страны.

18 марта 1978 г.

*Елена Боннэр, Наум Мейман, Мальва Ланда, Софья Каллистратова,
Владимир Слепак, Татьяна Осипова.*

ДИСКРИМИНАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР. МУСТАФА ДЖЕМИЛЕВ

Мустафа Джемилев был грудным ребенком, когда в 1944 г. по бесчеловечному приказу Сталина сотни тысяч крымских татар (в основном стариков, женщин и детей) были изгнаны с земли своих предков и депортированы в "зоны спецпереселенцев" на Урал и в Узбекистан.

Преследования, которым подвергаются крымские татары, борющиеся за возвращение в Крым, общеизвестны. О трагической судьбе крымско-татарского народа мы неоднократно писали, обращаясь и к советскому правительству, и к главам государств, подписавшим Хельсинкское соглашение, и к мировой общественности (см. документы Группы №№ 10, 24).

Джемилев, активный борец за право крымского народа вернуться на родину, был неоднократно судим и провел в общей сложности более 8 лет в местах заключения. Ему вменялась в вину клевета на советский государственный и общественный строй. Утверждалось, что он в целях опорочить советский строй требует разрешения якобы "надуманного крымско-татарского вопроса" и говорит, что для крымских татар в СССР существуют правовые ограничения. Осуждение Джемилева на последнем процессе было совершено по сфальсифицированному обвинению и явилось нарушением обязательств Советского Союза, касающихся прав человека, и гуманитарных статей Заключительного Акта, о чем Группа "Хельсинки" заявляла в своем документе № 1.

22 декабря 1977 г. Джемилев был освобожден из заключения по отбытию срока и, несмотря на то что приговор не устанавливал ссылки или высылки, был насильственно поселен в г. Ташкенте в квартире своего брата. Над ним установлен административный надзор. Просьба Джемилева о переезде в Крым, где проживают в настоящее время его родители и сестры (выехавшие в Крым в 1977 г.), отвергнута.

Власти продолжают преследовать Мустафу Джемилева и, возможно, готовят новый арест. В январе был спровоцирован случай нарушения им правил надзора. В марте милиция предупредила Джемилева, что он может быть привлечен к суду за "тунеядство". От него требуют немедленно устроиться на работу, хотя его здоровье подорвано многолетним заключением и многомесячной голодовкой протеста против сфальсифицированного обвинения.

В нашем распоряжении имеется текст официального документа, направленного в лагерь, где содержался Джемилев, в ответ на запрос о возможности направления Джемилева в Крым после освобождения из заключения.

Приводим этот текст полностью.

Исх. № 22
от 28/10-1977 г.

692710. Приморский край
Хасанский р-н
Учреждение VII 267-26
Начальнику учреждения

на В/И 30/26-5210-А от 3/Х-77 г.

Родители осужденного Джемилева Мустафы проживают на территории Белогорского района с грубейшим нарушением паспортного режима и без прописки. Как спецпереселенцам им прописка в Крыму ограничена. В связи с вышеизложенным направлять в Крым Джемилева М. нецелесообразно, так как ему в прописке будет отказано.

Председатель наблюдательной комиссии при исполкоме Белогорского райсовета народных депутатов
Подполковник Цепенко /подпись/

Таким образом представитель власти Крымской области в официальном документе подтвердил существование правовых ограничений для крымских татар по их национальному признаку.

Факты дискриминации по национальному признаку признавались судебными приговорами "клеветой на советский строй", когда об этих фактах говорили и писали Джемилев и другие участники национального движения крымских татар.

Приведенный выше документ показывает, что наряду с Конституцией и Указом от 5/IX-1976 г. о реабилитации крымских татар существуют с е к р е т н ы е "инструкции", по которым крымские татары о г р а н и ч е н ы в правах и до настоящего времени являются "спецпереселенцами".

Это подтвердил также сотрудник отдела профилактики УВД г. Ташкента лейтенант Аташкулов Б., осуществляющий надзор над Мустафой Джемилевым. В беседе с М. Джемилевым и членом Группы "Хельсинки" Т. Осиповой, происходившей 24 марта 1978 г. в его кабинете, он сказал, что Джемилеву запрещено проживать в Крыму "как спецпереселенцу".

Личная трагическая судьба Джемилева не может не взволновать всех людей доброй воли.

Мы еще раз обращаем внимание общественности и правительств стран – участниц Хельсинкского соглашения, что преследования Мустафы Джемилева неразрывно связаны с фактом дискриминации полумиллионного крымско-татарского народа, незаконно лишенного возможности жить на своей родине.

6 апреля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ АДВЕНТИСТОВ

Вопреки заявленной в Заключительном Акте Хельсинкского соглашения решимости государств-участников "уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений"; и "в этих рамках ... признавать и уважать свободу личности исповедовать единолично или совместно с другими религию или веру, действуя согласно велениям собственной совести", – преследования верующих в Советском Союзе не только не прекращены, но за последнее время усилились. Об этом свидетельствуют проведенные в обстановке полного произвола аресты, обыски и другие репрессивные меры против членов Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня.

14 марта в Ташкенте арестован 83-летний председатель Церкви Адвентистов В.А. Шелков, вся религиозная деятельность которого прошла в условиях постоянных репрессий. Он 23 года провел в тюрьмах, ссылках, лагерях: с 1931 по 1934 гг. по постановлению тройки ОГПУ (без суда) – ссылка с принудработами на север Урала; в 1945 г. – арест и приговор к расстрелу, замененный 10-ю годами лагерей строгого режима. С 1963 года под угрозой нового ареста вынужден был перейти на нелегальное положение. Он возглавлял также издательство "Верный свидетель", активно преследуемое властями, написал ряд книг и статей, отстаивающих свободу совести и вероисповедания.

В доме дочери Шелкова (Ташкент, Союзная, дом 56), где он был арестован, провели обыск, продолжавшийся 4 суток. Предоставленные в распоряжение Группы фотоснимки и показания очевидцев, а также личные впечатления члена Группы "Хельсинки" Татьяны Осиповой, посетившей дом после обыска, рисуют картину полного разгрома жилища: взламывали полы, стены, потолок, разваливали дымоходы, вспарывали матрацы, подушки, обивку кресел, вещи сваливались кучей как попало, под полами и во дворе рыли огромные ямы до 2-х метров глубиной, поднимали асфальт во дворе, обследовали даже туалетные ямы. Материальный ущерб, причиненный обыском, не возмещен. Изымались религиозная литература, магнитофонные ленты с религиозными проповедями и псалмами, жалобы, протесты, заявления, правозащитная литература, магнитофонные записи передач западных радиостанций, трудовые сбережения. Во время обыска кто-то позвонил у калитки. На звонок выскочили шесть человек и, когда пришедший попытался скрыться, открыли по нему стрельбу из пистолетов.

Кроме В.А. Шелкова арестован хозяин дома Лепшин Илья Сергеевич, тяжело больной человек.

Аналогичный обыск прошел 14-15 марта в доме Маслова Сергея Ивановича (Ташкент, ул. Электротехническая, дом 8), куда ворвались, взломав входную дверь. Арестованы сам Маслов, инвалид Отечественной войны, и находившийся в доме Спалинь Арнольд Альбертович. Арестованы также Кривоберец Елена Герлампиевна, пришедшая во время обыска, и Бедарев Виктор Геннадьевич.

29 марта 1978 г. в г. Ташкенте производились обыски у следующих лиц:

1. Карбовской Ф.И. (Ленинский район, ул. Кзыл-Арбатская, Турик 2, дом 7).

2. Фурлет Софьи Прокопьевны (ул. Кзыл-Арбатская, Турик 2, дом 6).

3. Подосинниковой Марии Павловны (ул. Археологическая, дом 2).

4. Якубиной Валентины Петровны (ул. Винокор, дом 26).

5. Онищенко Александры Семеновны (ул. Достоевского, дом 15).

17 марта 1978 г. проведены обыски в домах адвентистов г. Риги: по ул. Пастендес в доме 1 кв. 3 и кв. 5 у Бошевого Петра Семеновича и его дочери Бошевой Лоиды Петровны; у Нагрещкайте Эйты Казе (ул. Квелес, дом 8); у Даргужис Э.П. (ул. Сеяс, дом 59). На требование Бошевых предъявить документы, удостоверяющие личность обыскиваемых, угрожали надеть наручники и посадить на 15 суток в КПЗ, неоднократно угрожали огнестрельным оружием, оскорбляли хозяев квартиры. У Нагрещкайте, согласно протоколу обыска, изымали не только религиозную литературу, деньги, но и "простыни ф-ки "Волна" в широкую полосу сиреневого цвета, ... пододеяльник б/у ... полотенца китайские – 2 шт. ... шампунь женьшеневая – 10 шт., туалетное мыло – 2 шт."

В "Открытом письме" родственники Шелкова выражают опасение за его жизнь. Основания для этого дают как угрозы работников КГБ во время обыска: "Теперь ты, дед, за все считаешься", так и методы допросов, которые применяют к верующим. Представление о них дает рассказ Долготера Якова Николаевича (1959 г. рождения, проживает: село Угодное, Одесская обл., Белгород-Днестровский р-н). Долготер был задержан 29 января 1978 г. в г. Пятигорске. На допросе он отказался давать показания, касающиеся его религиозных убеждений и изъятой у него религиозной литературы. Тогда следователи – капитан Мальцев Владимир Николаевич и другой, не назвавший своей фамилии, – стали избивать задержанного. Избивали попеременно – то один, то другой. Били по голове, лицу, шее, каждый раз заботливо поднимая воротник, чтобы не оставить следов насилия, били поддых, в области почек, требуя: "Говори, где взял, кто дал, а то мы покажем тебе, что такое советская власть!" Душили шарфом за шею, одновременно избивая. Становились друг против друга и избивали, кидая с одной стороны в другую, как мяч, заставляли многократно приседать, угрожали электростулком. Приводили в чувство, обливая холодной водой, после чего "допрос" продолжался. В избивании участвовали и другие сотрудники милиции, например, сержант МВД Соловьев Александр. Не добившись никаких показаний, отпустили Яшу, потребовав от него собственноручного заявления, что его никто не подвергал избиванию и издевательствам, от чего он категорически отказался.

Кроме вышеописанных уголовных методов по отношению к адвентистам применяются и административные меры.

14 февраля 1978 г. Михель Нина Федоровна (пос. Энем Краснодарского края, ул. Щорса, дом 5) оштрафована на 30 рублей за религиозное воспитание своих детей, которые из-за веры не посещают занятия в субботние дни. Это не влияет на успеваемость, так как дети узнают пропущенные уроки и выполняют их. При участии директора школы Ягумова Э.М., учительницы Мотягиной, классного руководителя Хотко З.В. и других учителей в школе создана нетерпимая обстановка: в присутствии всего класса, а то и школы (на школьной линейке) Мишу и Нину Михель высмеивают и оскорбляют, их запугивают помещением в интернат, а мать — лишением родительских прав.

Под угрозой лишения родительских прав оказалась недавно приехавшая в тот же поселок Энем Подъячая Дина Алексеевна, уже оштрафованная на 30 руб. Из-за существующей в школе обстановки родителям приходится ежедневно встречать и провожать детей в школу.

Лишение родительских прав постоянно грозит и активному деятелю ВЦ ВСАСД Ростиславу Галецкому, находящемуся на нелегальном положении и вынужденному видеться со своими детьми тайком.

Изложенные выше факты говорят о нарушении Советским Союзом гуманитарных статей Хельсинкского соглашения в области права на свободу совести и религиозных убеждений. Нарушена и статья 5 Всеобщей декларации прав человека: "Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию".

Группа выражает тревогу за судьбу арестованных адвентистов, особенно В.А. Шелкова, заключение которого ставит под угрозу его жизнь.

10-16 апреля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Примечание. Приложения к этому документу здесь не приводятся. — Ред.

ЛИШЕНИЕ ПРАВА НА ТРУД И ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ

Дискриминация — по политическим (идеологическим) мотивам — в отношении труда, а также нередко в отношении места жительства и жилища становится в нашей стране все более распространенной, все более "привычной" и обычной.

Такой дискриминации подвергаются, в частности, освободившиеся по отбытии срока наказания узники совести. Это положение освещалось в документах, изданных Группой в июле-августе 1976 и в декабре-январе 1977 г., на примерах Ивана Кандыбы, Надии Светличной, Кронида Любарского, Александра Гинзбурга и некоторых других.

Дискриминация, порой лишаящая человека и средств существования, и крова, продолжается. В данном документе мы охарактеризуем это на примерах Николая Бондаря, Кузьмы Матвиюка, Андрея Твердохлебова. В приложении приводятся также новые сведения о продолжающейся дискриминации Надии Светличной, Ивана Кандыбы, а также Левко Лукьяненко — вплоть до нового ареста в декабре 1977 г. Приводятся также материалы о положении Павла Кампова, Романа Семенюка, Льва Сергеева. Весьма показательным является и случай Иосифа Бегуна, уже отбывшего наказание за так называемый "паразитический образ жизни" и лишённого сейчас и жилья, и работы. В тяжелом, безвыходном положении находится Мустафа Джемилев (см. документ № 43).

Николай Бондарь, до ареста рабочий в г. Черкасы (УССР), был осужден за "антисоветскую агитацию и пропаганду" (вышел на демонстрацию 7 ноября с плакатом, критикующим КПСС), отбывал наказание с 7.XI.70 по 7.XI.77 г., т. е. 7 лет, в Мордовских и Пермских лагерях строгого режима, последние годы — во Владимирской тюрьме. В заключении у него резко ухудшилось зрение, началась прогрессирующая близорукость, сильные боли в глазах. Он обратился письменно в Институт им. Гельмгольца (Москва), и ему обещали оказать помощь после освобождения, когда он сможет туда явиться. Однако перед освобождением Бондарь был этапирован в Винницкую область (УССР), и сразу после освобождения над ним был установлен административный надзор, что, в частности, лишило его права передвижения. Он получает право на передвижение только в пределах Черкасской (а ранее — Винницкой) области — для поисков работы и жилья (каждую неделю он обязан являться на пункт, где находится под надзором, и получать новое разрешение). В течение нескольких месяцев он не мог найти ни жилья (комнатушку или угол в комнате, или койку в общежитии), ни работы, хотя согласен

взяться за любую. Основным препятствием является его "политическое" прошлое (что усматривается из его паспорта). В тех случаях, когда кто-либо выражает согласие сдать ему жилье, Бондарю отказывают в прописке (проживание без прописки – уголовно наказуемое преступление, без прописки ни одно предприятие не может принять человека на работу). На предприятиях, нуждающихся в рабочих и имеющих общежития, Бондарю отказывают в общежитии и соответственно в работе, мотивируя это его "прошлым". Бондаря не пускают даже в гостиницу, на койку: "не положено", так как он нигде не "прописан". Усталому, продрогшему после дня поисков жилья и работы, ему приходится проводить ночь на вокзале... (В приложении – фрагмент из писем Н. Бондаря.)

Кузьма Матвиюк, проживающий в Умани (УССР), летом 1972 г. был арестован и осужден на 4 года лишения свободы за "антисоветскую агитацию и пропаганду" (обыском у него было обнаружено несколько самозадатских произведений). Перед освобождением из лагеря, летом 1976 г., Матвиюк был этапирован в г. Александрия (Кировоградская обл. УССР), где над ним был установлен административный надзор. Матвиюк имеет высшее техническое образование и настаивает на том, чтобы ему дали возможность работать по специальности. Ему в этом отказывают. Только через 6 месяцев после освобождения Матвиюк получил временную работу. В г. Александрия он, его жена и двое детей ютились в сыром и темном подвале, поэтому в августе 1977 г., после того как с него был снят надзор и он получил право передвигаться, К. Матвиюк перешел на работу на опытную станцию в Ровенской обл., где был принят на должность старшего научного сотрудника. Однако через некоторое время, после того как он не проявил "сговорчивости", требуемой от него КГБ, Матвиюк был уволен. В марте с. г. он обращался – безрезультатно – в Президиум Верховного Совета УССР и в Прокуратуру УССР (в приложении – некоторые подробности).

Андрей Твердохлебов, научный работник, физик, за открытые правозащитные заявления и статьи отбыл 5 лет ссылки (один год он находился в тюрьме, под следствием) по обвинению в "распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй". В январе 1978 г. он вернулся в Москву, где жил и работал до ареста, где живут его родные (дочь, мать, отчим, сестра, которые согласны, чтобы он жил вместе с ними). Его уже неоднократно подвергали приводу в милицию – за "незаконное" проживание (нахождение) в Москве, штрафовали родственников, у которых он находился в момент визита милиции. 10 суток А. Твердохлебова держали в заключении (в милиции), в условиях близких к карцерным, произвольно обвинив его в "неподчинении властям" (милиции).

Отсутствие прописки, а также отсутствие официальной работы (каковую невозможно получить без прописки) грозит новыми уголовными преследованиями: за нарушение паспортного режима и за "паразитический образ жизни" ("тунеядство").

6 апреля Твердохлебов, приехавший в Киев к суду над Петром Винсом, был задержан милицией и насильно отправлен в Москву.

(Петр Винс на суде, проведенном за закрытыми дверями, в здании, оцепленном милицией, приговорен к году лишения свободы – за "паразитический образ жизни". Перед тем как его арестовать, власти намеренно не давали ему возможности работать, дабы затем иметь "законное право" – осудить...)

Дискриминация, которой подвергаются Николай Бондарь, Кузьма Матвиюк, Андрей Твердохлебов и многие другие, – является нарушением статей 2, 13 (п. 1), 23 и 25 Всеобщей декларации прав человека, статей 2 (часть 2), 26 Пакта о гражданских и политических правах и соответственно раздела VII Заключительного Акта Хельсинкского совещания.

Эта дискриминация также противоречит декларируемым советской Конституцией "праву на труд" и "праву на жилище".

20 апреля 1978 г.

Боннэр, Каллистратова, Ланда, Некипелов, Мейман, Осипова, Слепак

Приложения:*

1. Н. Бондарь (фрагменты писем), 2. К. Матвиюк, 3. Л. Лукьяненко (заявление), 4. И. Кандыба, 5. Р. Семенюк, 6. П. Кампов, 7. Сергеев Л. (заявление), 8. М. Ланда, 9. Н. Строкатова, 10. Н. Светличная.

* Приложения здесь не приводятся. – Ред.

ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О ТРУДЕ

В начале шестидесятых годов власти начали вводить специальные законы о борьбе с так называемым тунеядством.

В настоящее время уголовные кодексы всех союзных республик содержат статьи о преследовании не работающих по найму лиц (ст. 209 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Эти законы находятся в прямом противоречии с международными соглашениями, запрещающими принудительный труд.

Обвиняемым по этим статьям по буквальному тексту закона инкриминируется "систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени иного паразитического образа жизни".

Такая формулировка закона дает возможность самого широкого и произвольного толкования понятия "тунеядства".

В неопубликованном постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 августа 1975 г. (с изменениями от 30 мая 1977 г.) разъясняется: "... под паразитическим образом жизни, предусмотренным ст. 209 УК РСФСР, следует понимать проживание совершеннолетнего трудоспособного лица в течение длительного времени (более 4-х месяцев подряд или в общей сложности в течение года) на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда, продолжаемого после официального предостережения о недопустимости такого образа жизни".

В судебной практике вопрос о "нетрудовых доходах" по существу не исследуется. Достаточно того обстоятельства, что человек не работает по найму и не зарегистрирован в финансовых органах, как занимающийся разрешенным промыслом (кустарь, преподаватель-репетитор и т. д.).

Упомянутое выше постановление Президиума Верховного Совета РСФСР обязывает местные советы (райисполкомы) обеспечивать трудоустройство лиц, "не занятых общественно полезным трудом", с учетом их специальности. Однако практически научным работникам, инженерам, писателям и другим лицам высокой квалификации работа по специальности не предоставляется.

Полная засекреченность судебной статистики лишает нас возможности определить, какое количество дел о тунеядстве рассматривается в судах. Однако мы подчеркиваем, что само существование законов о принудительном труде под страхом уголовной ответственности — недопустимо.

Многочисленные примеры использования законов о принудительном труде в борьбе с инакомыслящими и лицами, добивающимися осуществ-

вления своего права на эмиграцию, заставляют нас посвятить документ именно этому вопросу.

Первыми жертвами законов о "тунеядстве" еще в начале шестидесятых годов были выдающийся современный поэт Иосиф Бродский и известный историк и публицист Андрей Амальрик (оба в настоящее время живут на Западе), отбывавшие ссылку в Сибири по приговору суда.

Эта практика продолжается и после подписания Соглашения в Хельсинки. Чаще всего такому преследованию подвергаются желающие эмигрировать.

Значительное число инакомыслящих и лиц, подавших заявления на выезд из СССР, — увольняют с работы. Попытки вновь устроиться на работу по специальности, как правило, не увенчиваются успехом.

В результате систематических преследований со стороны административных властей люди высокой квалификации ищут любую работу на любых условиях. Находящийся ныне в США физик Юрий Мных долгое время работал лифтером (при этом в конторе дома во избежание "неприятностей" работа была оформлена на имя его жены). Несколько лет лифтером работал и недавно уехавший в Израиль инженер Иосиф Бейлин. Кислик Владимир — кандидат физико-математических наук — в Харькове работает переплетчиком. Уже много лет после отбытия ссылки не может устроиться на работу по специальности и работает плотником и разнорабочим высококвалифицированный лингвист, автор научных трудов Константин Бабицкий. Количество таких примеров можно значительно увеличить.

Однако не всем удается устроиться на работу или получить регистрацию на право давать частные уроки (репетирование школьников).

Летом 1977 г. был арестован и затем осужден к двум годам ссылки преподаватель иврита Иосиф Бегун. Преподавание иврита суд не счел "общественно полезным трудом", так как власти отказываются регистрировать эту работу в финансовых органах, тем самым фактически накладывая запрет на преподавание иврита в СССР. Срок ссылки Бегуну был сокращен по амнистии в связи с 60-летием Октябрьской революции, и недавно Бегун возвратился в Москву, но ему отказывают в прописке, хотя он москвич и жена его живет в Москве.

Сейчас ожидает суда привлеченный за "тунеядство" другой преподаватель — Павел Абрамович.

Петр Винс, 22-х лет, преследуется властями за его деятельность в Украинской группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений и за то, что он добивается эмиграции в Канаду вместе со своим отцом (как известно, его отец, пастор Георгий Винс, находится в заключении в лагере). Летом 1977 г. Винс был уволен и смог устроиться только грузчиком. С этой работы он был вынужден уволиться по состоянию здоровья (он перенес ранее тяжелую операцию желудка). 8 декабря 1977 г. Петя Винс был задержан в Киеве в связи с его попыткой поехать на демонстрацию 10 декабря в Москву, избит и на другой день осужден на 15 суток ареста под предлогом мелкого хулиганства. Потом ему незаконно продлили арест еще на 15 дней. Винс объявил голодовку и голодал 25 дней (см. до-

кумент № 28). В феврале 1978 года Винс был вновь арестован и 6 апреля осужден на год лагерей за тунеядство. Друзья и даже сестры Винса не были допущены в зал суда.

20 марта 1978 г. в Тбилиси осужден к одному году лишения свободы член Грузинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, кандидат наук Григорий Гольдштейн, обвиненный в "паразитическом образе жизни" только потому, что он после отказа в разрешении на выезд в Израиль не может найти работу по специальности и живет на свои трудовые сбережения (Гольдштейн одинокий, имеет 17 лет трудового стажа, работал на высокооплачиваемых — по советским стандартам — должностях). То обстоятельство, что Гольдштейн продолжает самостоятельно свою научную работу и бесплатно занимался со школьниками математикой и физикой, — суд не считал общественно полезным трудом. Характерно, что, признавая Гольдштейна тунеядцем, живущим на нетрудовые доходы, суд не располагал ровно никакими доказательствами "нетрудовых доходов". Более того, суд отказал Гольдштейну в истребовании и исследовании документов о его доходах.

В настоящее время угроза осуждения за "паразитический образ жизни" нависла и над братом Григория Гольдштейна — Исаем Гольдштейном, также членом Грузинской группы "Хельсинки".

Московский математик Юрий Гастев не может устроиться на работу по специальности, и уже в течение нескольких месяцев его преследуют административные органы (милиция), угрожая привлечением к уголовной ответственности за тунеядство. Под этой же угрозой находится юрист Всеволод Кувакин, с ноября 1977 г. безуспешно добивающийся трудоустройства по специальности.

Подавший заявление о выезде в Израиль преподаватель, кандидат физико-математических наук Геннадий Хасин был лишен возможности работать в школе. В райфинотделе ему отказано в регистрации, дающей право на частные уроки математики и физики (репетиторство). Теперь перед ним тоже стоит выбор: идти на неквалифицированную работу (если удастся ее найти!) или подвергнуться преследованиям за "паразитический образ жизни".

Предупреждение по тунеядству было сделано ташкентскими органами милиции недавно освободившемуся из лагеря Мустафе Джемилеву (см. документы №№ 1, 43), здоровье которого подорвано многолетним заключением и девятимесячной голодовкой. В оформлении инвалидности ему отказано, так как он прописан в Ташкенте. В Самарканде преследуется за тунеядство другая активистка крымско-татарского национального движения Айше Сеитмуратова.

В конце марта в Киеве предупреждение по тунеядству получила Любовь Мурженко (жена политзаключенного "самолетчика" А. Мурженко), несмотря на ее письменное заявление, что она устроится на работу в мае, когда ее мать уйдет на пенсию и сможет присматривать за часто болеющей дочерью Мурженко.

Под следствием за "паразитический образ жизни" находится один из основателей "свободного профсоюза" Валентин Поплавский. Выписан из

Москвы и также находится под следствием по такому же обвинению баптистский проповедник Николай Сафран (сейчас он направлен на экспертизу в Институт судебной психиатрии им. Сербского).

Люди творческого труда – писатели, поэты, художники, философы – в нашей стране считаются людьми, занятыми общественно полезным трудом, лишь в том случае, если они состоят членами соответствующих официальных союзов.

Недавно представители административных органов являлись домой к таким известным писателям, как Георгий Владимов – вышедший из Союза советских писателей, Владимир Войнович и Владимир Корнилов – исключенные из того же Союза, Александр Зиновьев, лишенный всех званий и уволенный с работы философ, – и требовали отчета о средствах существования. Даже к Льву Копелеву пришел милицейский чин, интересуясь, почему он “не работает” (Копелев давно достиг пенсионного возраста).

Что же этим людям, составляющим гордость русской литературы и публицистики, – идти в лифтеры или грузчики? Или ожидать предостережения “о прекращении паразитического образа жизни” и скорого суда за тунеядство?

22 апреля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Приложение

*Международной Организации Труда
Федерации американских ученых
Директору Федерации Дж. Стоуну
Мировой общественности*

Открытое письмо в защиту Григория Гольдштейна

Против члена Грузинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Григория Гольдштейна возбуждено уголовное дело по обвинению в так называемом тунеядстве. Несколькими неделями ранее по аналогичному обвинению арестован член Украинской группы Петр Винс. Продолжающиеся репрессии против членов Хельсинкских групп должны привлечь самое пристальное внимание.

Григорий Гольдштейн, 1931 года рождения, кандидат технических наук, автор многих изобретений и опубликованных научных работ, имеет 17 лет трудового стажа. В 1971 г. вместе с братом он подал заявление на выезд в Израиль и был вынужден оставить работу. Однако им было отказано в разрешении на выезд якобы по мотивам секретности, и отказ до сих пор остается в силе, несмотря на то что работа в области метео-

рологии, к которой Гольдштейн имел отношение 7 лет назад, нигде в мире не считается секретной. Гольдштейн обвиняется по ст. 234 Уголовного кодекса Грузинской ССР, в которой инкриминируется "систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведение в течение длительного времени паразитического образа жизни". Указ Президиума Верховного Совета республики разъясняет, что это – "проживание более 4 месяцев на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда". Эта статья Кодекса противоречит международным соглашениям, запрещающим принудительный труд, и открывает широкие возможности злоупотреблений и расправ с любыми не угодными властям лицами. Именно так и произошло в деле Григория Гольдштейна (и происходило со многими). Гольдштейну не разрешают вести преподавательскую работу, но предлагают такие места работы, которые создадут новые препятствия к его отъезду по причине секретности. Отказ от этих предложений рассматривается властями как уклонение от общественно полезного труда. При этом власти игнорируют тот факт, что Гольдштейн не имеет никаких незаконных, нетрудовых источников дохода. Власти не допускают, по-видимому, даже возможности того, что бессемейный человек за 17 лет пребывания на высокооплачиваемой, по советским стандартам, работе может накопить сбережения, чтобы прожить одному в течение нескольких лет.

Я призываю Международную организацию труда, коллег Гольдштейна – ученых во всем мире, Федерацию американских ученых, представителей мировой общественности выступить против сфальсифицированного обвинения, в защиту Григория Гольдштейна от преследований. Я призываю выступить против статьи Уголовного кодекса, идущей вразрез со всеми международными положениями о труде, делающей труд в нашей стране фактически принудительным. Я призываю выступить в защиту всех тех, кто неправомерно преследуется по этой статье.

8 марта 1978 г., Москва

Андрей Сахаров

ДЕСЯТЬ ЛЕТ "ХРОНИКЕ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ"

Движение за права человека в СССР сформировалось более десяти лет назад под влиянием и в непосредственной связи с важнейшими внутренними и внешними событиями того времени. Одним из важнейших факторов в формировании этого движения стало основание информационного издания "Хроника текущих событий". Первый номер вышел 30 апреля 1968 года. На титульном листе его, так же как во всех последующих номерах, так же как и теперь, — текст статьи 19 Всеобщей декларации прав человека:

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Десять лет существования "Хроники текущих событий" — это десять лет борьбы за гласность, с нетерпимостью и несправедливостью нашего общества, борьбы за его открытость, демократизацию и общую гуманизацию. Все эти годы и по сей день публикации "Хроники" являются наиболее объективным, полным и точным отражением фактов нарушения прав человека в СССР. Они широко используются как в СССР, так и за рубежом при защите прав человека. В частности, "Эмнисти Интернешнл" регулярно публикует "Хронику текущих событий" на английском и других языках и широко использует ее материалы в своей деятельности по защите политических заключенных.

Все эти годы "Хроника" героически противостоит репрессиям и провокациям властей, неся тяжелейшие потери: преследуются редакторы, издатели, те, кто собирает материалы для "Хроники", те, кто ее распространяет, и ее читатели. Одни из них сегодня в лагерях, другие были вынуждены эмигрировать, третьи продолжают свой ответственный, самоотверженный труд. И невозможно переоценить благородное воспитывающее значение "Хроники текущих событий" для всех участников правозащитного движения и бесчисленных читателей в СССР и за рубежом.

27 апреля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

О НАРУШЕНИИ ПРАВА КОЛХОЗНИКОВ НА ЭМИГРАЦИЮ И НА ВЫХОД ИЗ КОЛХОЗА

В документах нашей Группы не раз затрагивался вопрос о незаконных препятствиях, выдвигаемых советскими властями перед теми, кто хочет эмигрировать или воссоединиться со своими родными вне СССР. Но в них речь шла в первую очередь о людях, живущих в городах и поселках городского типа. В данном документе мы решили осветить положение крестьян, желающих эмигрировать из СССР.

Поселок Ильинка Казанского сельсовета Таловского района Воронежской области почти полностью заселен верующими крестьянами-евреями. В поселке около 130 дворов. Так как иудейская религия запрещает какое-либо ограничение рождаемости, то семьи в поселке в основном многодетные, в среднем в семье 6-7 детей. Подавляющее большинство жителей в поселке желает эмигрировать в Израиль.

Из поселка в период 1974-1976 гг. эмигрировало 12-14 семей. В 1975-1977 гг. власти не пропускали в поселок вызовы из Израиля, приходившие по почте. По неофициальным сведениям (один из работников Таловского райкома партии проговорился в разговоре с жителем Ильинки), в середине 1976 г. в Таловском райкоме КПСС хранилось 109 вызовов из Израиля, посланных жителям Ильинки и изъятых на почте. Вызовы стали высылаться на адреса родственников и знакомых, живущих в других местах. Тогда было выдвинуто новое препятствие: председатель колхоза "Россия", куда входит Ильинка, Виктор Демьянович Тарасов и председатель Казанского сельсовета Василий Владимирович Лебедев отказались выдавать жителям Ильинки, желающим подать документы на выезд, справки о месте проживания, составе семьи и месте работы подающих. Без этих справок Воронежский ОВИР не принимал и не принимает документов на выезд. К концу 1976 г. вызовы имели жители около 50-и дворов. Активно добивались приема документов в ОВИР, а следовательно, и справок из колхоза и сельсовета 14 семей. Три семьи: Самуила Мордофеевича Матвеева (8 чел.), Якова Исаевича Матвеева (8 чел.) и Диворы Яковлевны Матвеевой (9 чел.) отправили документы (без справок) по почте в Верховный Совет СССР, откуда они были пересланы в Воронежский ОВИР. В Воронежском ОВИРе представителям этих семей было предложено забрать свои документы обратно, а после их отказа заявили, что, пока в ОВИР не будут донесены недостающие справки, ходатайства о выезде рассматриваться не будут.

Пять семей – три, указанные выше, а также семьи Фиры Исаковны Матвеевой (6 чел.) и Еина Михайловича Пискарева (10 чел.) – начали борьбу за получение справок. Представители этих семей прошли несколь-

ко раз пять иерархических лестниц: советскую — от сельсовета до Верховного Совета СССР, партийную — от парторганизации колхоза до ЦК КПСС, юридическую — от районного прокурора до Генерального Прокурора СССР, сельскохозяйственную — от правления колхоза до Министерства сельского хозяйства, внутренних дел — от районного управления внутренних дел до Министерства внутренних дел. Так, например, семья Якова Исаевича Матвеева только за 1977 г. направила в различные инстанции 55 заявлений и жалоб. Результатом этих хождений и переписки был устный ответ: "Мы не вправе приказывать председателю колхоза" или отказ дать какой-либо ответ.

Доведенные до отчаяния, они в апреле 1977 г. перестали работать в колхозе, перестали посылать детей в школу, подали заявление о выходе из колхоза и потребовали созыва общего собрания (или собрания уполномоченных) для утверждения их выхода из колхоза. В Ильинку вскоре прибыла специальная комиссия представителей отдела народного образования, райкома партии и районного совета. Комиссия приняла решение, что если родители не перестанут удерживать детей от посещения школы, то их лишат родительских прав и дети будут отправлены в детские дома. Под угрозой потери детей они были вынуждены вновь послать детей в школу. В 1977-1978 гг. в Ильинке были призваны все мужчины призывного возраста.

Общее собрание в колхозе не собиралось до декабря 1977 г., хотя по уставу колхоза оно должно собираться не реже одного раза в три месяца. На все жалобы местное начальство отвечало: "Люди заняты на полевых работах"; и лишь вмешательство Министерства сельского хозяйства, куда эти семьи обратились, утаив, для какой цели они требуют созыва собрания, дало результаты. 21 декабря состоялось собрание уполномоченных. Собрание было тщательно подготовлено правлением колхоза и районными властями и прошло, как хорошо отрепетированный спектакль. Ни одному из тех, кто желал выйти из колхоза, выступить не дали. В результате 86-ю голосами против 17-и было принято решение: НЕ ОТПУСКАТЬ ПОДАВШИХ ЗАЯВЛЕНИЕ ИЗ КОЛХОЗА (!!!). На жалобу, посланную в районную прокуратуру, был получен ответ (см. приложение № 2), что "нарушений колхозной демократии при решении этого вопроса не было", "оснований для опротестования решения собрания не нахожу". Примерно такой же ответ был получен из областной прокуратуры (см. приложение № 3*), где сказано: "Оснований для вмешательства органов прокуратуры не усматривается". Жалобы, направленные в Прокуратуру СССР и Прокуратуру РСФСР, были отправлены "для рассмотрения" в областную прокуратуру. Круг замкнулся.

Теперь новый председатель колхоза Алексей Григорьевич Кувалдин (прежний — В.Д. Тарасов — получил повышение, стал начальником районного сельхозуправления) и новый председатель сельсовета заявляют жителям Ильинки: "Будете жить и работать здесь до самой смерти, никуда мы вас не отпустим".

И люди, не работавшие год, съев все свои запасы и распродав все, что

* Приложение № 3 здесь не приводится. — Ред.

возможно, находясь на грани голода, видимо, скоро вынуждены будут вернуться к работе в колхозе.

Итак, крепостное право восторжествовало. Крестьяне приписаны к земле и не могут уехать из своей деревни!

Но самым вопиющим фактом является то, что все это не противоречит "Примерному уставу колхоза", являющемуся основой уставов всех колхозов СССР, где о выходе из колхоза сказано лишь (см. приложение №1): "Заявление о выходе из колхоза должно быть рассмотрено правлением и общим собранием членов колхоза не позднее чем в трехдневный срок со дня подачи заявления" — и ни слова о свободном выходе из колхоза!

30 апреля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Мальва Ланда, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Приложение 1

СП СССР, 1969, № 26, ст. 150.

ПРИМЕРНЫЙ УСТАВ КОЛХОЗА (извлечение)

Ст. 7. Заявление колхозника о выходе из колхоза должно быть рассмотрено правлением и общим собранием членов колхоза не позднее чем в трехмесячный срок со дня подачи заявления.

Расчет с бывшим колхозником производится по окончании хозяйственного года, но не позднее чем через месяц после утверждения годового отчета колхоза.

Ст. 47. Общее собрание собирается правлением не менее 4 раз в год...

Приложение 2

ПРОКУРАТУРА СССР

Прокуратура

Таловского района

Воронежской области

397450, Таловая,

ул. Советская 103

2.02.78 г. № 133

пос. Ильинка

Казанского сельсовета

Матвееву Самуилу Мордофеевичу

и другим

На Вашу жалобу по вопросу выхода из колхоза "Россия" сообщаю следующее.

Ваша жалоба тщательно проверена.

21 декабря состоялось собрание уполномоченных колхоза "Россия", на котором решался вопрос о выходе Вас и других членов колхоза, проживающих в пос. Ильинка, из колхоза. Из 119 человек уполномоченных на собрании присутствовало 103 человека.

Собрание уполномоченных решило не отпускать Вас и других членов колхоза "Россия", за это решение голосовало 86 человек, против — 17.

При проверке было установлено, что нарушений колхозной демократии при решении этого вопроса не было: голосование происходило свободно, без всякого нажима и давления, подсчет голосов велся правильно.

Оснований для опротестования решения собрания уполномоченных не нахожу.

Прокурор района
юрист 1 класса —

И.П. Захаров (подпись)

* * *

ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Воронежской области
394695, Воронеж
ул. Орджоникидзе 41
Об.03.78 № 5-19-27

Копия

Воронежская обл., Таловский р-н
с. Ильинка
гр. Матвееву Я.И., Матвеевой Д.
и другим

Ваша жалоба на отказ общего собрания уполномоченных в выходе из колхоза прокуратурой проверена.

В соответствии с решением собрания уполномоченных колхоза "Россия" от 21.12.77 в выходе из колхоза вам отказано. Порядок ведения собрания и подсчет голосов при вынесении решения не был нарушен.

Решение собрания уполномоченных вы можете обжаловать в исполком районного совета народных депутатов.

Прокурор отдела общего надзора
юрист 2 класса —

А.А. Романов (подпись)

* * *

ПРОКУРАТУРА СССР
Прокуратура
Воронежской области
394695, Воронеж
ул. Орджоникидзе 41
20.03.78 № 5-27

Копия

Воронежская обл., Таловский р-н
с. Ильинка
гр. Матвееву Я.И.,
Пискаревой Ф.И. и другим

Сообщаем, что по Вашей жалобе, поступившей из прокуратуры РСФСР, на отказ собрания в выходе из колхоза прокуратурой уже проводилась проверка.

Повторно сообщаем, что оснований для вмешательства органов прокуратуры не усматривается.

Прокурор отдела общего надзора
юрист 2 класса —

А.А. Романов (подпись)

СУД НАД ПРОФЕССОРОМ ЮРИЕМ ОРЛОВЫМ

С 15 по 18 мая в Москве судили основателя движения групп "Хельсинки" в Советском Союзе, известного физика, члена-корреспондента Армянской АН профессора Юрия Орлова. Фиктивный характер суда очевиден из того, что властям понадобилось 15 месяцев предварительного заключения Юрия Орлова в условиях строгой изоляции для подготовки процесса и лишь 3 дня для рассмотрения материалов следствия в 58 томах. Всего несколько часов потребовалось суду, чтобы обсудить и составить приговор, которым Ю.Ф. Орлову назначено максимальное по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР наказание: 7 лет заключения в лагерях строгого режима с последующей ссылкой на 5 лет.

Формально открытый суд фактически проходил при закрытых дверях. В зал заседания помимо специально подобранных людей были допущены лишь жена и два сына Орлова. Каждый раз они подвергались унижительным обыскам — жену Орлова, например, в поисках ее заметок о ходе судебного заседания раздели догола в присутствии мужчин. Сына Орлова несколько раз сильно ударили по голове. Друзья Орлова, в том числе академик Сахаров, не допускались в зал суда. В дни суда в Москве прошел ряд обысков и два ареста: Александра Подрабиника и Иосифа Бегуна. На 15 суток арестованы Нокин, Леонтьев, Коротич.

В ходе судебного процесса прокурор и суд тщательно избегали упоминания о том, что документы, инкриминируемые Ю.Ф. Орлову, являются документами Московской Хельсинкской группы.

Суд устанавливал лишь факт участия Орлова в составлении документов и пресекал все попытки Орлова и его адвоката исследовать документы по существу их содержания, т. е. суд заранее считал все документы "клеветническими".

Более того, в нарушение конституционных принципов гласности, устности и непосредственности документы не оглашались в судебном заседании, а Орлову и его защитнику суд запрещал не только излагать содержание того или иного документа, но и даже произносить их полное наименование.

Все ходатайства Орлова и его адвоката, направленные на защиту Орлова (вызов свидетелей защиты, приобщение документов и др.), были судом отклонены.

Показания Орлова судом настойчиво и неоднократно прерывались, вопросы адвоката судьей снимались.

Опасаясь репрессий в отношении адвоката Шальмана, Ю.Ф. Орлов в конце судебного следствия выразил ему благодарность за правовую и моральную помощь и отказался от участия защитника в прениях сторон, заявив, что защитительную речь он будет произносить сам.

Однако защитительная речь Орлова прерывалась многочисленными окриками судьи и враждебными выкриками из зала суда, заполненного, как указано выше, специально подобранными людьми.

Прерывалось судьей и последнее слово, и Орлов сказал: "Как вам не стыдно прерывать меня, это ведь мое последнее слово". Однако и после этого он был лишен возможности беспрепятственно говорить. Ни защитительной речи, ни последнего слова Ю.Ф. Орлову сказать не дали.

После того как суд удовлетворил отказ Орлова от дальнейшего участия адвоката в процессе, адвокат Шальман был грубо, с применением насилия вытолкан из зала заседания и заперт в отдельной комнате. В зал судебного заседания он был допущен вновь лишь после того, как ему удалось связаться по телефону с руководством Московской коллегии адвокатов.

По окончании каждого судебного заседания все происходившее в зале суда подробно нами фиксировалось со слов Ирины Орловой. Поэтому мы имеем основание утверждать, что процесс Орлова был не объективным и справедливым рассмотрением дела, а расправой за свободную мысль и свободное слово.

Значение процесса Юрия Орлова, как и ранее проходивших политических процессов, а также ожидаемых в близком будущем процессов его друзей по Московской группе "Хельсинки" Александра Гинзбурга и Анатолия Шаранского выходит далеко за пределы СССР. Эти процессы имеют непосредственное отношение не только к вопросу прав человека, но и к вопросу разрядки международных отношений.

Мы призываем правительства и глав государств стран, подписавших Хельсинкский Акт, общественные организации этих стран и частных лиц, в первую очередь ученых и писателей, работников искусства, общественных деятелей, выступить в защиту Юрия Орлова, в защиту Хельсинкского движения и тем самым в защиту самого Хельсинкского Акта, утверждающего неразрывную связь проблем безопасности и прав человека.

18 мая 1978 г.

Е. Боннэр, С. Каллистратова, М. Ланда, Н. Мейман, В. Некипелов, Т. Осипова, В. Слепак.

Член Грузинской группы "Хельсинки" *И. Гольдштейн.*

Заявление Группы "Хельсинки" о суде над профессором Ю.Ф. Орловым полностью поддерживаем: *А. Сахаров, И. Нудель, С. Поликанов, А. Лавут, А. Поликанова, И. Ковалев, Ю. Ярём-Агаев, В. Бахмин, В. Корнилов, Л. Копелев.*

АРЕСТОВАН АЛЕКСАНДР ПОДРАБИНЕК

14 мая 1978 г. — накануне начала суда над Юрием Орловым — арестован Александр Подрабинец, известный поборник прав человека в СССР, автор выходящей в ближайшем будущем на Западе книги "Карательная медицина".

Александр Подрабинец — активный член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — в течение двух последних лет проводил большую работу по защите психически здоровых людей, помещаемых в психиатрические больницы за инакомыслие, за правозащитную и религиозную деятельность. Одновременно с этим А. Подрабинец защищал интересы психически больных, насильственно помещаемых в психиатрические больницы только за инакомыслие или религиозную веру, в случаях, когда эти больные не представляют опасности для окружающих.

Тщательно документированный материал о случаях злоупотреблений психиатрией в политических целях, собранный Подрабинецом, не только вошел в его книгу "Карательная медицина" (черновой вариант этой рукописи был изъят КГБ при обыске у Подрабинека в марте 1977 г.), но и фигурировал в материалах Всемирного конгресса психиатров в Генолулу.

Как известно, КГБ настойчиво добивался принудительной эмиграции Подрабинека путем шантажа, используя в качестве заложника его брата Кирилла Подрабинека, который после отказа Александра выехать из СССР был необоснованно арестован и в марте осужден к лишению свободы сроком на 2 года 6 месяцев.

Александр, подвергаясь непрерывной слежке и преследованиям, продолжал свою правозащитную деятельность. Теперь он арестован и помещен в тюрьму.

Следствие ведется следователем Московской областной прокуратуры Гуженковым В.М. по ч. 1 ст. 190 УК РСФСР, т. е. по обвинению в распространении заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Как и все политические заключенные в СССР, Подрабинец лишен на время предварительного заключения права на переписку, на свидание с родственниками и друзьями, а также с адвокатом.

Подрабинец не занимался противозаконной, тайной деятельностью. Он действовал в рамках Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о правах и советских законов.

Все знающие Подрабинека не сомневаются в его правдивости, честности, бескорыстии.

Мы призываем правительства и глав государств стран, подписавших Хельсинкский Акт, общественные организации этих стран, а также Всемирную Организацию Психиатров выступить в защиту Александра Подрабиника, против продолжающегося преследования правозащитного движения в СССР.

22 мая 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

В дополнение к документу Группы № 50 о суде над Юрием Орловым, опубликованному в день вынесения приговора 18 мая 1978 г., Группа публикует подборку документов – свидетельских показаний, которые дают представление о том, что ряд инкриминируемых Орлову как клеветнических выступлений таковыми не являются. В подборку входят*:

1. Заявление проф. Меймана о затруднениях при публикациях научных работ.

2. Письмо группы ученых, подписанное Юрием Орловым вместе с другими (так как суд квалифицировал его как клеветническое, не зачитывая и не разбирая его содержание по существу).

3. Справка о численном соотношении советских Нобелевских лауреатов в области науки к общему числу их (в научных же областях) во всем мире.

4. Письмо Натальи Федоровой – жены политического заключенного лагеря особого режима Юрия Павловича Федорова (лагерь № 1, Мордовия, Сосновка, учреждение ЖХ-385/1-6).

5. Заявление Мальвы Ланды по поводу показаний свидетелей (Суханова, Шелия, Емельянова, Анисимов, Довганович, Любарская, Блохина) на суде над Юрием Орловым.

6. Сообщение о заявлении политического заключенного ученого-биолога Сергея Ковалева (Пермская обл., лагерь № 37) в связи с проявленным им желанием выступить в качестве свидетеля на суде над Юрием Орловым.

7. Некоторые сообщения о положении в лагерях уже после ареста Юрия Орлова.

Кроме того, мы просим использовать документ № 49 о положении с выездом колхозников села Ильинка, т.к. документ № 9, опубликованный, когда Орлов был на свободе, суд квалифицировал как клеветнический.

Группа будет продолжать сбор документов, доказывающих, что судебное следствие не имело целью выявление истины; жестокий приговор, вынесенный Юрию Орлову, есть результат заранее спланированной расправы с ним за его общественную правозащитную деятельность.

15 июня 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова.

* В этом сборнике публикуются лишь первые два документа подборки. Заинтересованные лица и организации могут заказать в издательстве "Хроника" копии остальных документов.

Заявление

Летом 1976 года я имел разговор с директором Института физических проблем Академии наук СССР академиком П.Л. Капицей в связи с полученным мной отказом в выездной визе в Израиль, так как этот отказ был вызван моей работой в Институте физических проблем в 1948-54 годах.

Во время этого разговора Петр Леонидович Капица подтвердил, что ученым-отказникам практически невозможно публиковать свои работы в советских научных журналах. Он сказал мне, что в качестве редактора "Журнала теоретической и экспериментальной физики" сам пытался опубликовать работу проф. Марка Азбея. Это не удалось, даже несмотря на высокое положение академика Капицы. Дело в том, что для публикации научной работы требуется представление специального акта "экспертной комиссии". П.Л. Капице не удалось, несмотря на все его попытки, получить такой акт от "экспертной комиссии" Института физических проблем.

Прошу мое настоящее заявление считать свидетельским показанием в суде над Юрием Орловым, т. к. в числе (эпизодов) документов, инкриминируемых ему, фигурирует письмо группы ученых, которое подписал в числе других и Ю. Орлов, которое охарактеризовано следствием и судом как клеветническое. В первом разделе этого письма "Профессиональные права ученых" § 1 говорит именно о нарушении права ученых на публикации.

7 июня 1978 г., Москва

проф. Н. Мейман

Приложение № 2

Заместителю председателя Государственного комитета по науке и технике при Совете Министров СССР академику Кириллину В.А.

Президенту Академии наук СССР Александру А.П.

Наука стала одним из определяющих факторов современности. Невозможно отделить науку от людей, создающих науку, поэтому систематические нарушения основных гражданских и профессиональных прав ученых приносят вред, далеко выходящий за пределы узких цеховых интересов самих ученых.

В прошлом в своих крайних и наиболее уродливых проявлениях нарушения прав ученых неоднократно перерастало в непосредственную борьбу с наукой. В Советском Союзе долгое время с подозрением относились

к теории относительности и квантовой механике, боролись с кибернетикой, яростно преследовали генетику и современную биологию.

В настоящее время продолжается нарушение прав ученых, хотя и не в такой крайней форме. Этот круг вопросов имеет непосредственное отношение к Вам, и Вы своим авторитетом могли бы в большой мере содействовать нормализации обстановки. Мы считаем своим долгом обратить Ваше внимание на наиболее существенные, как это представляется нам, нарушения профессиональных и гражданских прав ученых.

Профессиональные права ученых

1. Право на публикацию своих трудов

Ни одна научная работа не может быть опубликована без соответствующего акта т. н. "экспертной комиссии", удостоверяющего отсутствие в работе секретных сведений. Эти комиссии рассматривают лишь работы сотрудников учреждений, при которых они функционируют. В результате широкая категория лиц, находящихся вне рамок учреждений с такими комиссиями, полностью лишена возможности публиковать свои научные результаты.

Эти правила были введены в особый период истории Советского Союза начала 50-х годов. К сожалению, в отличие от многих узаконений того времени они действуют во всей силе и поныне.

2. Научные собрания и лекции

Ученые, находящиеся вне рамок определенных организаций и не получившие специального разрешения, лишены возможности выступать с публичными научными лекциями и докладами или проводить научные дискуссии.

Ученые, не работающие в специализированных научных учреждениях, лишены возможности участия в научных конференциях, поскольку представленные доклады требуют такого же оформления, что и другие публикации, а самое присутствие на конференции – как правило, официального разрешения.

3. Миграция ученых и научные контакты

Участие в международных научных конференциях и поездки ученых за рубеж регламентируются неопубликованными правилами. Необходимой предпосылкой для выезда является ходатайство специализированного научного учреждения. В результате этого значительная часть ученых не имеет никаких возможностей для реализации личных контактов с зарубежными коллегами, контактов, столь необходимых для развития современной науки. Ученые, получающие приглашения от зарубежных научных учреждений, не могут по своему собственному усмотрению принять их. Не могут они по собственному решению и заключать контракты на временную работу в зарубежных научных учреждениях.

Гражданские права ученых

1. О праве ученых иметь и выражать свои убеждения

От ученых нельзя требовать автоматического согласия с любой официальной трактовкой различного рода вопросов и проблем. От ученых

нельзя требовать обязательной приверженности официальной идеологии. Ученые должны обладать правом выражения своих мнений и убеждений. В противном случае ученые обращаются в более или менее запрограммированных роботов.

На ученых должны распространяться свободы совести и религии, декларированные во многих международных обязательствах, ратифицированных Советским Союзом. Как во всяком чисто светском государстве, религиозные и идеологические взгляды и убеждения не должны, как это ныне практикуется, быть причиной отстранения от профессиональной деятельности и преподавания.

2. Право выбора страны проживания

Всеобщая декларация прав человека устанавливает равное право "каждого человека свободно покидать любую страну, включая свою собственную...". Однако ученые, заявившие о своем желании, как правило, попадают в крайне тяжелое и трудное положение. Под предлогом "наличия у них секретных сведений" им годами отказывают в праве выезда. Между тем: а) при привлечении ученых к работе, классифицируемой как секретная, не практикуется предварительное, обусловленное конкретным сроком, добровольное согласие ученых на ограничение их гражданских прав; б) вообще не существует установленных и гласных сроков действия секретности; в) неизвестные лица в отсутствие заинтересованной стороны устанавливают наличие т. н. секретности. Об этом факте сообщается без какой-либо конкретизации, бездоказательно и устно. При этом отсутствует реальная возможность оспаривать или обжаловать безосновательные утверждения о якобы существующей "секретности". Все это полностью исключает какой-либо контроль со стороны компетентных и заинтересованных научных учреждений и открывает широкие возможности для произвола.

3. О репрессиях в отношении ученых

Все ученые, уволенные по указанию властей, подвергаются остракизму, лишены возможности получить работу по специальности в другом месте и вынуждены искать неквалифицированную работу. Последнее затруднено указанием не принимать лиц с высшим образованием в качестве рабочих. Часто практикуется принудительное трудоустройство под угрозой преследования за "тунеядство" на неквалифицированную, плохо оплачиваемую работу. Каждый уволенный ученый живет под постоянной угрозой преследования за "тунеядство", и многие реально являются жертвами такого преследования и различного рода угроз со стороны милиции. Указ о тунеядстве несомненно противоречит многим международным обязательствам Советского Союза.

Беспрецедентным в истории науки является лишение ученых, осужденных по политическим статьям, неотчуждаемых по самой сути и смыслу ученых степеней и званий.

Решение поставленных проблем не терпит отсрочки, и мы ожидаем Вашего ответа в возможно более короткий срок.

С уважением: *А Сахаров, В. Левич, Н. Мейман, А. Лернер, Ю. Орлов, В. Турчин, В. Браиловский, М. Азбель и др.*

21 июня Владимир Слепак и Ида Нудель осуждены фактически закрытыми судами в двух разных концах Москвы по заведомо неверному вздорному обвинению в злостном хулиганстве к пяти и четырем годам ссылки. Жертвы выбраны не случайно. И тот и другая принадлежат к числу ведущих участников еврейского движения за репатриацию в Израиль. Владимир Слепак является также активным членом Московской Хельсинкской группы, а Ида Нудель известна своей самоотверженной помощью узникам совести. Владимир Слепак добивается разрешения на эмиграцию с семидесятого года, Ида Нудель – с семьдесят первого. Теперь к этим горьким годам прибавляются годы ссылки. Так власти надеются покончить с теми, кто добивается осуществления своего законного права на эмиграцию.

18 мая таким же закрытым судом был осужден к семи годам лагерей и пяти годам ссылки ученый профессор Юрий Орлов. Мы не принимаем отвратительную расправу над профессором Орловым как эталон для сравнений – большее злодеяние не оправдывает меньшего, и цивилизованный мир не признает такого понятия, как мера беззакония.

Все эти три приговора вызывающе незаконны и находятся в вопиющем противоречии с Заключительным Актом договора в Хельсинки. Мы обращаем внимание правительств всех тридцати пяти стран, подписавших Соглашения в Хельсинки, что эти три приговора явно нацелены на фактическую элиминацию гуманитарных статей Соглашения.

26 июня 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова.

*Международному Олимпийскому комитету (МОК)
Президенту МОК лорду М. Килланену*

Господин президент, господа!

В СССР происходят события, которые вы не можете игнорировать. Арестовывают и судят людей (членов Хельсинкских групп и других правозащитников), деятельность которых преследовала чисто гуманитарные цели. Страна — хозяйка Олимпиады-80 — демонстрирует пренебрежение к общечеловеческим гуманитарным нормам, а также к собственным международным обязательствам.

Уже сейчас известно, что атмосфера московской Олимпиады будет существенно отличаться от предыдущих игр. Число гостей Олимпиады ограничено заранее согласованной с МОК цифрой, и так как свободный въезд на территорию СССР запрещен, то столь характерного для других Олимпиад массового, стихийного наплыва туристов и любителей спорта из разных стран Советский Союз, по-видимому, не допустит. Культурная программа Олимпиады-80 ограничена советскими национальными достижениями, т. е. будет контролироваться советскими органами цензуры. Передвижение иностранных гостей по стране предусмотрено по жестко ограниченному "коридорам" под эгидой "Интуриста". Такова специфика "закрытого общества". Но как совместить все это с идеей международного доверия, провозглашаемого Олимпийской Хартией?

Ваше согласие провести 22-ю Олимпиаду на советских условиях, ваше "олимпийское спокойствие" в отношении происходящего в СССР подчеркивает прекрасные слова Олимпийской Хартии.

"Спорт — вне политики" — таков мудрый принцип олимпизма. И точно так же вне политики, выше политики фундаментальные вопросы гуманности, неотделимые от основных целей олимпийского движения. Сегодня ваше молчание означает прямую поддержку совершенно определенной политики.

СССР придает предстоящим Олимпийским играм огромное пропагандистское значение. Советские власти, очевидно, хотят сделать Москву-80 городом официальных улыбок; "очистка" Москвы от инакомыслящих уже началась, и следует ожидать расширения этой кампании. Мы просим вас не допустить этого. Ни одна семья не должна оплакивать Олимпиаду.

Мы, так же как и вы, придаем большое значение всемирной Олимпиаде в нашей стране, как важному событию, которое могло бы способствовать дружбе и взаимопониманию между народами нашей планеты, способствовать международному доверию и безопасности; но эту высокую

роль Олимпиада может сыграть только при неукоснительном следовании олимпийским принципам.

Мы призываем вас бескомпромиссно добиваться, чтобы контакты между людьми, культурный обмен, доступ в страну и т. п. реализовались на XXII Олимпиаде в той же мере, что и на предыдущих.

В древности во время Олимпийских игр прекращались войны. Сегодня в СССР ведется война против гуманности и милосердия. Мы призываем вас потребовать "прекращения огня" в качестве обязательного условия проведения в СССР Олимпийских игр, потребовать прекращения преследований за ненасильственные действия в защиту прав человека, за религиозную деятельность, за попытки добиться осуществления права на свободный выбор страны проживания и места проживания в пределах страны. Мы призываем вас потребовать, чтобы страна – хозяйка Олимпийских игр – освободила Юрия Орлова, Александра Гинзбурга, Анатолия Шаранского, Владимира Слепака, Льва Лукьяненко, Виктораса Пяткуса, Александра Подрабинека и всех других членов Хельсинкских групп; Сергея Ковалева, Игоря Огурцова, Георгия Винса, Владимира Шелкова, Василия Романюка, Иду Нудель, Иосифа Бегуна, всех осужденных за попытку покинуть страну. Мы призываем вас требовать освобождения всех УЗНИКОВ СОВЕСТИ.

Мы просим вас довести это письмо до сведения национальных Олимпийских комитетов и спортивных обществ разных стран, чтобы каждый участник предстоящей Олимпиады мог высказать свое отношение к поставленным вопросам.

26 июня 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова.

Присоединяемся к письму Московской Хельсинкской группы:

Борис Альтшуллер, Татьяна Великанова, Андрей Сахаров, Лариса Богораз, Георгий Владимов.

Следующие один за другим жестокие приговоры членам Хельсинкских групп – не только личная трагедия осужденных, это также трагедия движения за права человека в СССР. На днях прозвучали новые жестокие приговоры: Анатолию Щаранскому – 13 лет лишения свободы: 3 года тюрьмы и 10 лет лагеря строгого режима; Викторасу Пяткусу – 10 лет лишения свободы (3 года тюрьмы и 7 лет лагеря особого режима) и 5 лет ссылки; Александру Гинзбургу – 8 лет лишения свободы в лагере особого режима.

Происходившие с 10 по 14 июля судебные процессы – над Анатолием Щаранским в Москве, над Викторасом Пяткусом в Вильнюсе, над Александром Гинзбургом в Калуге – были направлены не только на жестокое насильственное подавление правозащитного движения, в частности движения за выполнение в СССР гуманитарных обязательств, принятых правительством в Хельсинки. Они направлены также на моральную дискредитацию этого движения и его участников. Каждый из этих процессов имел кроме того свою особую цель:

- процесс Щаранского – создание истерии шпиономании вокруг борьбы за право выбора страны проживания, запугивание участников, в особенности евреев, крайними мерами наказания;

- процесс Виктораса Пяткуса – дискредитация мирного национально-освободительного движения в Прибалтийских странах и запугивание всего населения этих стран;

- процесс Гинзбурга – опорочивание самой идеи помощи тем, кого преследует государство, помощи политзаключенным и их семьям; угроза лицам, осуществляющим и получающим эту помощь.

Так, Анатолию Щаранскому, одному из наиболее авторитетных борцов за право евреев на выезд в Израиль, вообще за право на эмиграцию, независимо от национальности, вероисповедания и т. д., наряду с обвинением в так называемой "антисоветской агитации и пропаганде", предъявлено необоснованное и нелепое в данном случае обвинение в шпионаже и измене родине, создающее особо напряженную атмосферу враждебности и подозрительности. С этой же целью процесс Щаранского связывается – советской прессой, радио и телевидением – с процессом обвиняемого в шпионаже и приговоренного к расстрелу Филатова, не имеющего никакого отношения ни к Щаранскому, ни к правозащитному движению.

Суровость статьи Уголовного кодекса, по которой обвиняется Щаранский, парадоксально сочетается с нелепостью и необоснованностью конкретно предъявленных ему обвинений, с вообще непротивозаконным характером инкриминируемых ему эпизодов и, наконец, с тем непропорционально большим вниманием, которое уделено на суде обсуждению воп-

росов на уровне бытовой сплетни (например, обсуждение значимости с точки зрения иудаистской религии обряда бракосочетания Шаранского). Главные инкриминируемые Шаранскому эпизоды его "шпионской" деятельности – составление и передача за кордоны страны списков "отказников", лиц, длительно добывающихся и не получающих разрешения на выезд из страны, а также некая таинственная анкета, с которой Шаранский познакомился уже после ареста. Обвинение Шаранского целиком базируется на показаниях провокаторов Липавского и Цилина. Именно их лжесвидетельства суд счел более убедительными, чем неоднократные публичные ответственные заявления президента Картера об отсутствии какой-либо связи Шаранского с ЦРУ. В обвинительной речи прокурор не смог привести никаких доказательств приписываемых Шаранскому преступлений. Непрерывно упоминаемые на суде встречи Шаранского с иностранными корреспондентами, американскими сенаторами и конгрессменами, общественными деятелями являлись абсолютно легальными, и попытки использовать их для обвинения полностью противоречат букве и духу Заключительного Акта Хельсинки.

Процесс Шаранского является современной версией процесса Дрейфуса, с той разницей, что у Дрейфуса были реальные возможности защиты, полностью отсутствующие у Шаранского.

Уголовный процесс Анатолия Шаранского – это прежде всего удар по движению за право на выезд из страны, в особенности по еврейскому эмиграционному движению; в то же время это еще одна попытка опорочить еврейский народ в целом.

Викторасу Пяткусу, известному участнику молодежной литовской католической организации, отбывшему за это 16 лет заключения, пользующемуся неоспоримым моральным авторитетом, наряду с обвинением в "антисоветской агитации и пропаганде", а заодно и в создании "антисоветской организации" предъявлено обвинение в гомосексуализме и в растлении малолетних. Единственным свидетелем двух последних обвинений оказался доставленный на суд под стражей солдат, показавший, что еще в 1973 году В. Пяткусу удалось якобы соблазнить и растлить его. Имея в виду ту чрезвычайную слежку, которой подвергается В. Пяткус с момента своего освобождения, совершенно очевидно, что, если бы этот эпизод действительно имел место, В. Пяткус еще 5 лет назад был бы осужден по чисто уголовному обвинению.

Явно выступающая цель этого процесса – дискредитация мирного национально-освободительного движения в Литве, Латвии и Эстонии. По видимому, именно для создания соответствующего резонанса и атмосферы непосредственно угрожающих репрессий всем, кто участвует и сочувствует этому движению, на суд вызваны, в частности, в качестве свидетелей – хотя по существу многие из них вообще ничего не показали – представители всех названных республик.

На процессе *Александра Гинзбурга*, бывшего узника совести (за попытки реализовать право на свободу слова и печати – 7 лет пробыл в

заключении: в лагере строгого режима и в тюрьме), известного и пользующегося большим моральным авторитетом деятеля правозащитного движения в СССР, распорядителя основанного писателем, лауреатом Нобелевской премии А.И. Солженицыным Фонда помощи политзаключенным в СССР, широко осуществлявшего эту помощь в течение нескольких последних лет перед арестом, формально обвиняемого по статье "антисоветская агитация и пропаганда", – основное внимание суда было уделено его моральной дискредитации и заодно опорочиванию других диссидентов, в особенности бывших политзаключенных – узников совести. С этой целью основным свидетелем на этом суде был сделан Градобоев, неоднократно осуждавшийся за различные уголовные преступления: кражу, подделку документов, порнографию (около 12 лет отбыл в заключении). Моральные суждения Градобоева, алкоголика Иванова и местного (г. Таруса) опустившегося и запуганного художника Хвощева в течение нескольких часов выслушивались судом; прокурор и судья интересовались, заходили ли в дом к Гинзбургу женщины, сколько постелей было в комнате и т. п. Заведомо ложные, легко опровергаемые наличными документами показания некоего Левашова о том, что Гинзбург "не работал", использованы в приговоре. С той же целью – очернить Александра Гинзбурга – председатель суда (Сидорков) сделал клеветническое заявление присутствовавшим возле суда западным корреспондентам: по его словам, А. Гинзбург получил наказание меньше максимального по данной статье (ст. 70 ч. 2 УК РСФСР), потому что дал показания на А. Щаранского и Ю. Орлова. Следует, однако, отметить, что содействие следствию в приговоре не отмечено (хотя таковое обязательно отмечается, когда имеет место). В приговоре указано, что при определении наказания учтено то, что на иждивении А. Гинзбурга – двое малолетних детей. Действительная причина относительного смягчения приговора Александра Гинзбурга, могущего, однако, оказаться для него смертельным, так как он сильно болен, объясняется, по всей вероятности, очень большим вниманием к этому процессу общественности Запада.

Важно также отметить, что свидетели, дававшие на предварительном следствии по делу Щаранского и Гинзбурга не желательные следствию показания, на суд не приглашены и не допущены. Не вызваны в суд и те, кто заявил о своем желании свидетельствовать на суде в их защиту. Так, на суд А. Гинзбурга не вызваны академик Андрей Сахаров, хорошо его знающий, член-корреспондент АН СССР С.И. Поликанов, известный писатель Георгий Владимов, известный деятель правозащитного движения, узник совести Сергей Ковалев, близко знающая Гинзбурга, бывшая его подельница Вера Лашкова и многие другие, настаивавшие на своем праве свидетельствовать об Александре Гинзбурге, как о человеке, и о правдивости инкриминируемых ему документов, в частности документов Московской группы "Хельсинки".

Важно отметить и особую обстановку, созданную властями в зале судебного заседания и возле суда. В зале – специально ангажированная (вход по специальным пропускам!), враждебно настроенная "публика",

которой разрешались (по-видимому, даже поощрялись) открытые враждебные выпады в отношении подсудимого. Возле суда — сотни сотрудников госбезопасности и милиции, охраняющие здание и его окрестности от приехавших на суд друзей подсудимых. Эти охранники, в форме, с повязками дружинников и просто в гражданской одежде, неоднократно и нередко весьма выразительно подчеркивали свое издевательское отношение к подсудимым и к тем, кто, сочувствуя им, пришел к зданию. Никто из друзей и сочувствующих не был допущен на так называемые "открытые" судебные заседания, даже во время чтения приговора. Осуществлялись также акты дополнительного садизма: в зал суда над Анатолием Щаранским ни разу не была допущена его 70-летняя мать; в начале второго дня суда удалена из зала жена Александра Гинзбурга: ее, как и мать Щаранского, не пустили даже на чтение приговора. Госбезопасность и привлеченный ею "народ" нарочито глумились над женой подсудимого-осужденного. Хохотом, улюлюканьем и угрозами сопровождалась попытка друзей приветствовать увозимых в закрытых тюремных машинах ("воронках") подсудимых-осужденных.

* * *

На Белградской конференции с предельной ясностью выявилось, что Советский Союз считает обязательным выполнение только выгодных для него статей Заключительного Акта Соглашения в Хельсинки и открыто нарушает гуманитарные статьи Хельсинкского соглашения.

Теперь, спустя несколько месяцев после Белграда, преследование участников всех форм правозащитного движения в СССР достигло своего трагического кульминационного пункта.

Мы призываем правительства и глав всех стран — участниц Соглашения в Хельсинки решительно потребовать выполнения Советским Союзом добровольно принятых на себя в Хельсинки обязательств.

Мы благодарим всех, кто выступал и выступает в защиту Анатолия Щаранского, Александра Гинзбурга, Виктора Пяткуса, Юрия Орлова и других уже осужденных или находящихся еще под арестом в ожидании суда правозащитников. И просим не ослаблять усилий в их защиту.

15 июля 1978 г.

Московская группа "Хельсинки": *Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Сергей Поликанов*

От Литовской группы "Хельсинки": *Она Лукаускайте-Пошкене, о. Каролис Гаруцкас, Эйтан Финкельштейн*

От Грузинской группы "Хельсинки": *Исайя Гольдштейн*

От Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях: *Леонард Терновский*

От Комитета защиты прав верующих: *о. Глеб Якунин*

От Инициативной группы защиты прав человека в СССР: *Татьяна Великанова*

От советской группы "Эмнести Интернейшнл": *Георгий Владимов*

УКРАИНСКАЯ ГРУППА

К Белградскому совещанию
35-и государств

О ДИСКРИМИНАЦИИ УКРАИНЦЕВ В ОБЛАСТИ ПРАВА НА ЭМИГРАЦИЮ

Вопрос об эмиграции из СССР всегда был болезненным для руководства КПСС. Всему миру оно представляло большевистскую революцию как то событие, к которому с давнего времени стремились трудящиеся классы всех стран и которая наконец-то произошла в бывшей Российской Империи.

По их утверждениям, большевистская революция впервые в истории человечества воплотила в жизнь лучшие идеи философов, экономистов, социальных реформаторов прошлых времен и уничтожила извечное зло — эксплуатацию человека человеком, уничтожила социальный антагонизм, обеспечила самые высокие темпы экономического развития, создала условия для всестороннего развития личности и т. д. и т. п. Одним словом, революция создала на грешной земле то, что до нее существовало только в мечтах.

Поскольку большевики считали себя идейными наследниками "Манифеста коммунистической партии", Парижской комунны и 1-го Интернационала, то свою победу и свой строй они считали образцом для других стран и (в соответствии с идеей пролетарского интернационализма) стремились осчастливить им и других. Для этого после революции пришли к последовательному, настойчивому и все более широкому расхваливанию своих мероприятий по перестройке всех сторон общественной и семейной жизни и советского строя. В десятках развитых стран были созданы компартии, которые помогали созданию в своих странах мифа об идеальности советского общества. И тот факт, что из СССР люди не эмигрировали, служил подтверждением безукоризненности советских порядков.

Действительно, из рая никто не бежит. Уезжают оттуда, где плохо.

Эмиграция, — говорит Словарь иностранных слов, — (массовое переселение из какой-либо страны в иную, вызванное различными причинами — экономическими, политическими, религиозными и др.) *неизбежный спутник эксплуататорского общества* (Держвид. полит. литер., К., 1955).

Вследствие того что Советский Союз не эксплуататорское общество, для него и не свойственна эмиграция.

Нет причин для эмиграции и по национальным мотивам, ибо нацио-

нальный вопрос в СССР впервые в истории разрешен самым справедливым способом раз и навсегда.

Такова была картина со слов коммунистической пропаганды. А чтобы живые свидетели не опровергали ее, границы наглухо закрыты.

Полстолетия Запад слушал оды в честь великих достижений свободных народов и свободных граждан, а внутри Союза отдельные смельчаки бежали, ловились на пограничных ловушках и колочей проволоке и молча шли на 10-15 лет в архипелаг ГУЛАг.

В 70-х годах положение изменилось. Вследствие расширения международных связей стало невозможно втайне загонять людей в тюрьму. В словарях появилась дефиниция слова "эмиграция" как "выезд в другую страну на постоянное или продолжительное проживание" (Политичный словарь, К., 1976), которая уже не противоречит декларированному международно-правовыми актами праву гражданина беспрепятственно покидать свою страну и опять в нее возвращаться.

Теперешнее руководство уже не называет стремление человека эмигрировать изменой и за высказывание одного этого намерения не судит, но предпринимает много шагов для уменьшения эмиграции и подавления эмиграционных настроений. При этом мы констатируем разный подход правительства к трем разным категориям граждан – потенциальных эмигрантов: евреям, русским диссидентам и нерусским инакомыслящим.

Евреям, которые высказали желание выехать на свою историческую родину, правительство создает массу разных неприятностей, а иногда и из рук вон плохие условия жизни, но в конце концов упорных выпускают, русских "неисправимых" диссидентов изгоняют из СССР, а нерусских инакомыслящих отправляют за решетку.

Советское государство подписало Всеобщую декларацию прав человека и Заключительный Акт Хельсинкского совещания. Оба эти документа провозглашают право гражданина на эмиграцию независимо от национального признака, а руководство СССР к заявлениям об эмиграции подходит явно по-разному в зависимости от национальности.

Нас возмущает, что естественное стремление евреев к Родине своих предков правительство превращает в путь тяжелых испытаний; нас возмущает, что высыление из СССР русских диссидентов оно стремится представить советским гражданам как изгнание недостойных; но больше всего нас возмущает дискриминация по национальному признаку, проявляющаяся в полном лишении нерусских инакомыслящих возможности выезда из СССР.

Не касаясь вопроса дискриминации нас, украинцев, в иных областях жизни, мы отмечаем, что в вопросе эмиграции дискриминация проявляется в том, что до сих пор ни один украинский инакомыслящий не получил разрешения на выезд из СССР для постоянного проживания за границей. Даже в тех случаях, когда человек отбыл срок заключения за попытку оставить СССР и после освобождения продолжает добиваться выезда, правительство не предоставляет такой возможности.

Вот примеры:

Виталий Васильевич Калининченко попытался нелегально перейти советско-финскую границу. Его задержали и осудили на 10 лет заключе-

ния. В заключении он постоянно и официально заявлял о своем намерении выехать из СССР после отбытия наказания. Освободившись весной 1976 года, он немедленно возобновил ходатайства: отказался от советского гражданства, пишет заявления, с 17 по 26 октября провел голодовку, но все напрасно — до сих пор он не получил разрешения на выезд.

Евгений Грицьяк и известный украинский писатель Олесь Павлович Бердник около четырех лет добиваются разрешения на выезд.

Безрезультатно добиваются разрешения на выезд и Надежда Светличная, Нина Строкатова, Володимир Затвирский, Иван Кандыба, Левко Лукьяненко, Вадим Смогитель, Григорий Прокопович, Павло Кампов, Василь Овсиенко, Михайло Луцик, Иосиф Тереля.

Незаконный отказ правительства предоставить возможность выезда за границу толкнул многих на путь незаконного перехода границы, и теперь отбывают заключение за это украинцы: Апполоний Берничук, Олексий Мурженко, Василий Федоренко.

За ходатайства о выезде из СССР по религиозным мотивам теперь отбывает на Урале 4-летнее заключение Юрий Дзюба.

Вследствие грубого нарушения в СССР Всеобщей декларации прав человека и создания для инакомыслящих таких тяжелых условий жизни, которые делают невозможной мало-мальски производительную общественную, национальную, литературную, религиозную или какую бы то ни было другую общественную деятельность, ряд политзаключенных украинцев уже теперь, будучи в заключении, заявил о своем намерении эмигрировать после отбытия срока наказания. Это, в частности, такие люди: Юрий Романович Шухевич, Андрей Маркович Турик, Димитрий Верхоляк, Александр Федорович Сергиенко, Иван Алексеевич Светличный, Василий Емельянович Романюк, Дмитрий Басараб, Иван Шовковый, Григорий Герчак, Володимир Васильевич Васылык, Зиновий Михайлович Красивский.

Взгляните: после ареста трех членов Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (Орлова, Гинзбурга, Щаранского) и двоих Украинской (Руденко и Тихого) на Украине арестованы еще два члена Группы — Матусевич и Маринович.

Потом украинцев Руденко и Тихого судят соответственно к 12 и 15 годам неволи, судят Барладяну и арестовывают Терелю, а московских диссидентов В. Турчина и Т. Ходорович и активиста русского правозащитного движения К. Любарского отправляют в эмиграцию.

Далее: украинца Снегирева арестовывают, москвичу Подрабинеку предлагают выехать из СССР.

12, 15 лет неволи и эмиграция — это, конечно, совершенно разные наказания. Столь огромная разница обусловлена особенностями правозащитного движения в России, с одной стороны, и на Украине — с другой.

В России оно направлено против незаконного ограничения демократических прав граждан.

На Украине оно имеет ту же самую цель плюс наши национальные проблемы. Этот плюс и делает украинское (точно так же прибалтийское и кавказское) правозащитное движение в глазах власть предержащих

бюрократов шовинистической великорусской закваски особенно опасным, ибо угрожает разрушить старый пропагандистский миф о самом справедливом разрешении национального вопроса (на все будущие времена!) и начать новое его обсуждение новым поколением украинцев в новых исторических условиях.

Вследствие того что "суверенная" УССР не установила дипломатических отношений даже с основными европейскими государствами и Министерство иностранных дел УССР не проводит соответствующей работы за рубежом, выезд нескольких инакомыслящих за границу содействовал бы ознакомлению западной общественности с украинскими проблемами. Это знает правительство СССР и, как мы видим, не желает допустить такого ознакомления. Но поскольку высшим критерием добра и справедливости людей европейской цивилизации есть благо не государства, а отдельной личности, то при разрешении конфликта между государством и личностью мы требуем принять благо личности, а не государства, и поэтому считаем, что никакие соображения пропагандистского (престижного) порядка не могут быть достаточным основанием для насильственного удержания личности в государстве.

Мир в Европе не может быть построен на лжи и тайных замыслах правителей отдельных государств; мир не может быть построен на подавлении народов, ибо такой мир для подавленных и бесправных не означает счастья и они будут стремиться к его разрушению.

Прочный и длительный мир возможен только на справедливом отношении к личности, в т. ч. уважении ее права на эмиграцию. Право на эмиграцию служит способом разрешения конфликта между обществом и личностью в том случае, когда личность не может смириться с существующими порядками, а общество не хочет измениться для удовлетворения ее требования. Общество имеет право оставаться самим собой, но и личность имеет такое же право на собственное мировоззрение. Положение, при котором личности не разрешено ни распространение своих идей, ни выезд из страны, представляет собой верх несправедливости, ибо совершенно лишает человека его индивидуальности, обрекая его на духовную смерть. К сожалению, в таком положении оказались многие украинские инакомыслящие. Это и заставляет нас обратиться к Белградскому совещанию с просьбой обсудить вопрос о дискриминации украинцев в области права на эмиграцию с тем, чтобы содействовать справедливому разрешению его правительством СССР.

Киев, декабрь 1977 г.

О. Бердник, И. Кандыба, В. Калиниченко, Л. Лукьяненко, О. Мешко, В. Стрильцев, Н. Строкатова.

ЛИТОВСКАЯ ГРУППА

О ПОЛОЖЕНИИ В ЛИТВЕ

Заявление Белградскому совещанию, проверяющему выполнение соглашений, подписанных в Хельсинки в 1975 году

Современный статус Литвы является следствием ультиматума, врученного министру иностранных дел Литвы Урбошису Председателем Совета Народных Комиссаров и комиссаром иностранных дел СССР Молотовым в Москве вечером 14 июня 1940 года. Основываясь на нем, войска Советского Союза уже на следующий день, т. е. 15 июня, в 2 часа дня перешли литовскую границу и заняли основные города Литвы.

Помощник Молотова Деканозов, присланный в Литву, старался привести жизнь в этой стране в соответствие с шаблонами СССР. Последствия были ужасающими: запрещены не только политические партии, ликвидированы общественные организации, частная печать, но посажено в тюрьмы и сослано в Сибирь свыше 40 тысяч жителей, не жалея ни младенцев, ни седых стариков.

Не удивительно, что в начале войны Германии с СССР четыре самые многочисленные политические партии страны пытались восстановить государственность Литвы, хотя их усилия вскоре были парализованы нацистами.

В 1944 г., после вторичного занятия Литвы Красной Армией, 11 ноября в Москве при ЦК КП(б) было организовано специальное Литовское бюро под руководством Сулова. Только за один следующий год из различных учреждений Литвы было отстранено от работы более 4-х тысяч человек. До апреля месяца 1947 года было уволено еще 1350. В апреле 1945 г. в Литву было прислано из разных мест России 6116 работников, не владеющих литовским языком. По утверждению полковника госбезопасности г. Вильнюса Михайлова, 50 тысяч литовцев погибло в лесах с оружием в руках, трижды столько заключено в тюрьмы и лагеря, где погибло не меньше чем в лесах; а сколько еще необходимо было сослать в Сибирь!

После смерти Сталина части ссыльных было разрешено вернуться, была выпущена из лагерей и часть политических заключенных. Но, увы, до сегодняшнего дня еще многим запрещено возвращаться на родину в Литву, и их продолжают удерживать в ссылке без суда и срока. Сообщаем хотя бы несколько имен: Стяпас Бубулас, Костас Букнис, Антанас Декнис, Альфюнас Гайдис, Альгирдас Гасюнас, Робертас Индрикас, Антанас Янкаускас, Йонас Каралюс, Леонас Лебеда, Костас Лякшас, Йозас Микайлионис, Алексас Мостейка, Пятрас Палтарокас, Повилас Печолайтис,

Витаутас Петрушайтис, Альбинас Рашитинис, Винцас Селиокас, Витаутас Слалшинскас, Йонас Шарканас, Бенюс Тракимас, Владас Вайтекунас и др.

В трудном положении находится литовский язык. В Литве сейчас проживает в пять раз больше русских, чем перед второй мировой войной. Особенно в таких городах, как Вильнюс и Клайпеда. По этой причине в некоторых учреждениях невозможно объясниться по-литовски. Например, на Вильнюсском железнодорожном вокзале, в некоторых отделениях связи, а также на улицах с дежурными милиционерами и др. Закрыты все литовские школы в Латвии, где накануне войны их было 18. Часть территории, признанной за Литвой по мирному договору с Советской Россией от 12 июля 1920 года, сегодня находится под белорусской администрацией. На этих землях литовцы являются автохтонами. Они проживают в Виджяе, Апсасе, Гервечяе, Палесе, Лаздунае и др. местностях, где нет литовских школ. В Апсасе и Виджяе костелы закрыты. Костел в Палесе, построенный литовцами после первой мировой войны, превращен в склад. Купола его разрушены, а настоятель Венажиндис в 1950 г. посажен в тюрьму. Так, в Белоруссии у литовцев нет ни школ, ни костелов, там не разрешается селиться литовским священникам.

По данным переписи населения видно, что примерно такое же число (как литовцев в Белоруссии) проживает в Вильнюсе русских и поляков. Но в Вильнюсе различные объявления, лозунги, плакаты, буклеты и т. д. всегда двуязычные – на русском и литовском. Здесь действует русский драмтеатр. В высших школах Литвы существуют параллельные русские группы, а польский язык получил доступ только в Вильнюсский педагогический институт.

Еще в худшем положении находятся в Литве малочисленные национальные меньшинства. Во время войны больше всех жителей Литвы пострадали евреи. Перед второй мировой войной в Литве действовали 122 начальные еврейские школы, 3 неполные средние (прогимназии) и 14 средних (гимназий). В настоящее время у евреев нет ни одной своей школы, нет своей печати. Хотя, по данным переписи 1970 г., в Вильнюсе было 16, а в Каунасе – 14 тысяч евреев. Белорусами записались в Вильнюсе 24 тысячи жителей, но у них нет своей школы, богослужения в церквях после войны также были упразднены. В послевоенные годы, после запрещения частных школ, особенно пострадали караимы, так как при Тракайской кинесе (?) действовала их приходская школа. Обижены и татары: их мечети и школы закрыты.

Литовцам в Латвии объясняют, что если они хотят учиться по-литовски, то должны ехать в Литву, но русским не предлагают посылать детей в Россию учиться по-русски. Наоборот, открываются многочисленные русские школы или создаются параллельные русскоязычные классы в латышских школах.

В выпускных классах литовских средних школ Министерство просвещения отводит литовскому языку только четыре, а русскому – пять часов в неделю. То же Министерство умеет требовать от всех выпускников-литовцев хорошего знания русского языка, в то время как это же Мини-

стерство оказывается совершенно бессильным требовать от выпускников русской национальности хотя бы немного научиться литовскому.

Книжные издательства пошли еще дальше: в некоторых литовских книгах помещают тексты на русском языке без литовского перевода. Различные администраторы и печать заговорили о двуязычии (билингвизме) литовцев: литовцам якобы нравится язык Ленина. Но что делать, если в Литве невозможно объясниться по-литовски?

История Литвы, как и всемирная история, в школах (и других заведениях) преподается по-своему. Это не история государств, народов, королей или князей, а по-партийному освещенная история экономических отношений и так называемой классовой борьбы. Поэтому в школах не допускаются не только учебники литовской или всемирной истории, но даже никакие другие издания по этому вопросу, вышедшие до событий 1940 года. Из школьных библиотек изъяты и большей частью уничтожены не только издания исторической тематики, но и все другие, выпущенные до упомянутых событий. Исключением пользуются лишь некоторые высшие школы и учебные заведения. Там подобные издания хранятся в так называемых спецфондах, куда доступ разрешен только по спецпропускам. Особенно странно, что некоторые книги, вышедшие до июньских событий 1940 г., но написанные людьми, которые после этих событий стали различными администраторами, тоже попали в спецфонд. Например, книга "СССР — нашими глазами" Палецкиса, три десятилетия бывшего формальным верховным администратором страны. Среди запрещенных очутились даже классические произведения литовской литературы — "Альгимантас" Винцаса Пиетариса и др. История литовской литературы составлена так, что несколько писателей, отступивших во время войны в СССР, признаются великими, а основная писательская масса, отступившая на Запад, замалчивается или упоминаются некоторые писатели только после их смерти. Нелегко путь и писателей, вернувшихся из лагерей или Сибири.

До последних дней во время обысков КГБ продолжает изымать довоенные издания книг и периодики. Куда они деваются? На этот вопрос мог бы ответить только КГБ.

Советская печать освещает дело так:

Было необходимо переоценить культурное наследие литовского народа с точки зрения марксизма-ленинизма, перенять демократические, социалистические тенденции и критиковать буржуазно-националистические концепции, в особенности в областях истории, литературы и других общественных наук. Также необходимо было широко пропагандировать научный атеизм, помогающий бороться против религиозных взглядов, распространяемых церковью. (А. Ракунас. "Классовая борьба в Литве 1940-1951 гг.", Вильнюс, 1976, с. 178.)

Не лучшими способами шла и продолжалась пропаганда так называемого научного атеизма. Пусть говорит официальная печать:

Залечивая раны, нанесенные войной, развивая просвещение, культуру, улучшая здравоохранение в республике, особенно не хватало

помещений. Поэтому совсем естественно, что для этих жизненно важных целей местные органы власти использовали национализированные просторные церковные здания. (Статья Й. Анича в книге "За построение социализма в Литве", Вильнюс, 1969, с. 306.)

Мы добавим, что для этого были использованы не только церковные дома, но и приходские залы, их библиотеки и даже жилые дома служителей костелов, так называемые "богадельни". Таким образом было уничтожено много библиотек. Например, библиотеки монастыря Мариону в городе Марианполе (ныне Капсукас), где было свыше 50 тысяч книг. И еще добавим: наверное с той же целью были захвачены и старые архивы епархии. Далее советская печать пишет:

Использование отдельных бывших зданий культа преимущественно для целей культуры, просвещения, здравоохранения, улучшения социального обеспечения населения было большое гуманное дело, и основное большинство трудящихся его одобряло (там же, с. 306).

Разрешите усомниться: одобряло ли основное большинство трудящихся, что, например, костел Св. Казимераса в Вильнюсе, построенный в 1604 году, на целое десятилетие был превращен в склад алкогольных напитков? И не кажется ли, что "залечивание ран войны" и период "послевоенного гуманизма" продолжается слишком долго? Может быть, уже время начать возвращать общинам верующих хотя бы остатки их имущества? Ведь со времен Сталина все еще закрыто, например, в Вильнюсе 3/4 костелов, включая кафедральную базилику. Много говорится и пишется о заботах по охране памятников архитектуры и искусства. В Вильнюсе на костеле Визитечу (постройка 1729 г.), превращенном в тюрьму, тоже есть табличка с надписью, что это памятник архитектуры. Однако она не помешала в 1965 г. уничтожить его интерьер. Или из закрытого костела Всех Святых (постройка 1620 г., Вильнюс) 8 сентября 1966 г. выдернуть колокола. В том же году в Вильнюсе (район Антакальниса) была уничтожена двухэтажная часовня. Основанная 300 лет назад, она стояла в укромном месте, никому не мешая. Даже сейчас это место пусто, и сохранились вокруг часовни выросшие деревья. Только два года назад, вот уже в который раз, опять была опустошена пользующаяся большим уважением людей Гора Крестов возле города Шауляй. Этот печальный список можно было бы продолжать еще и еще. Да будет разрешено также напомнить, что в Литве все еще закрыты все католические монастыри, а из четырех духовных семинарий разрешено действовать одной. И та 3 года назад могла принять только пять новых воспитанников. А средняя годовая смертность священников в четыре раза больше. Евреи и татары в Литве оставлены вовсе без духовенства.

Конституция СССР гарантирует атеистам право антирелигиозной пропаганды, а верующим только право отправления обрядов культа, но не религиозной пропаганды. Как тогда понять равенство всех граждан? И свобода отправления обрядов культа существует только на бумаге. Ведь верующим не разрешается праздновать даже самые большие, основ-

ные праздники, а это же входит в понятие обрядов. За соблюдение религиозных праздников верующих до сих пор увольняют с работы. Если в такие дни их дети не приходят в школу – вызывают родителей и объявляют выговор. Телевидение и радио пропитаны атеизмом, в то время как обе эти организации существуют и на средства верующих. В Литве у верующих всех религий нет своей печати. Мало того. Не только мирянам, но и духовенству, которому это прямая обязанность и неотъемлемая часть понятия культа, запрещается обучать детей молитвам. Священники, осмелившиеся это делать, были заключены в тюрьмы, лагеря или наказаны другими способами. Вот несколько жертв последнего десятилетия: священники Антанас Александревичюс (Славикай), Просперам Бубнис (Гярнальнис), Альбинас Делтува (Вецсей), Антанас Йокубаускас (Поцюнеляй), Антанас Шишкявичюс (Дубингяй), Йозас Эдебскис (Гудяляй и Пренай). Таким образом, равенство верующих и неверующих существует только на бумаге.

Еще одна очень чувствительная рана. Все наше старшее поколение помнит, что до войны в Литве свободно можно было купить советские русские ежедневные газеты "Известия" или "Правду". В Каунасском книжном магазине "Мокслас", над которым шефствовало посольство СССР в Каунасе, а затем в аналогичном Вильнюсском магазине продавались произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина на русском языке. Мы не смеем даже мечтать дожидаться тех дней, когда у нас будут свободно продаваться центральные ежедневные газеты Парижа, Лондона, Нью Йорка. Но мы ни на час не забываем, что на Запад эмигрировала или отступила значительная часть нашего народа, в особенности его интеллектуалы. Они создали за границей обширную печать, многочисленную литературу, издали Большую Литовскую Энциклопедию. Все попытки добиться, чтобы упомянутая печать достигла и нас, – тщетны. Если и доходит какая-то часть до наших библиотек – там она хранится за семью замками или опять же необходим спецпропуск. В то же время издаваемая в Литве коммунистическая литература беспрепятственно достигает Запада. Наши администраторы считают нас несовершеннолетними и строго определяют, что нам можно читать, а что нельзя.

В этом заявлении мы коснулись только части случаев несоблюдения Хельсинкского соглашения, подписанного 1 августа 1975 года. Могли бы предоставить материалы о том, как власти обходят пункт воссоединения семей, и ряд других вопросов. Этим меморандумом мы хотим обратить внимание государств, подписавших Хельсинкские соглашения, на то, что никакое соглашение в мире невозможно, если его соблюдает лишь одна подписавшая сторона.

Вильнюс, 17 июля 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова

К нам обратился эстонец Эрик Удам, прож. в г. Таллине, род. в 1938 г., инженер, говорящий по-литовски, дважды чемпион Эстонии по борьбе, за два срока отсидевший в лагерях и тюрьмах СССР 5 лет как политзаключенный.

В стене его коммунальной квартиры был устроен номерной подслушивающий аппарат. Удам его демонтировал, что подняло на ноги таллинских работников госбезопасности. Тогда Эрик Удам опять встретился со знакомым по первому аресту (1956 г.) — кагебистом майором Альбертасом Молокасом.

4, 11 и 14 апреля с. г. Альбертас Молокас предлагал Эрику Удаму организовать диссидентский комитет в Эстонии. Майор Молокас намеревался его связать с американскими дипломатами, аккредитованными в Москве. Для осуществления этой цели майор предложил полмиллиона рублей. Эрик Удам сказал, что он может попытаться создать такой комитет, но только с финнами. Майор Молокас заявил, что в финнах они не заинтересованы, только в американцах, и для начала предложил Удаму двести-сто пятьдесят тысяч рублей. Удам отказался, но майор госбезопасности просил порекомендовать другого человека, который согласился бы на это.

В беседе майор Молокас заявил, что в феврале с. г. неудавшееся путешествие по Прибалтике английского журналиста Дэвида Сэттера (из лондонской газеты "Файненшл Таймс") было делом его рук.

Основание:

1. Заявление Эрика Удамы (на эстонском языке).

2. Обращение Эрика Удамы к народам, населяющим страны Балтийского моря.

Вильнюс, 26 мая 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова

Виктор Васильев с семьей, проживающий в Вильнюсе, ул. Архитекту 224, кв. 8, обратился с письмом не только к нам, но и "ко всем христианским странам, ко всем миссиям христиан-евангелистов, ко всем христианским союзам"* с просьбой о помощи.

Их семья принадлежит к христианской общине пятидесятников. Поэтому советская администрация "не прекращает борьбы не на жизнь, а на смерть — не потому, что мы плохие люди, нет, а именно потому, что мы

* Все цитаты из письма В. Васильева даны в обратном переводе с литовского на русский.

пятидесятники – глубоко верующие люди”. Это течение долгое время было вне закона, а некоторые лица и семьи до сегодняшнего времени подвергаются репрессиям как находящиеся вне закона.

Еще во время службы в армии в г. Термез (1959-1960 гг.) от Виктора Васильева капитан спецслужбы Шаронов требовал письменного отречения от Бога, иначе он не поступит в институт: мол, нам лучше иметь пятерых плохих инженеров, чем одного хорошего, но верующего, – заявил капитан.

В Алма-Ате КГБ постоянно преследовал его жену Нину Васильеву.

За три года проживания в г. Вильнюсе советская администрация Васильева тоже не забыла. Прокурор Октябрьского района г. Вильнюса Букашев назвал главу семьи антисоветчиком. Детей Валентина и Тимофея в вильнюсской средней школе № 36 заставляли вступать в октябрюта, они отказались, на что заведующая учебной частью предложила найти такую школу, где нет октябрют.

В конце концов 15 апреля 1977 г. Виктор Васильев был выдворен на улицу из квартиры судебным путем, хотя он и проработал по месту работы 2,5 года, где он имел различные поощрения и благодарности. Работники госбезопасности распускали об этой семье различные слухи и вымыслы.

Васильев письменно обращался и к Брежневу, Подгорному, Косыгину, Руденко, но безрезультатно.

Поэтому они с женой и от имени детей обратились к советской администрации с просьбой разрешить им выехать из СССР на основании:

1. Декларации прав человека; 2. Международного пакта о гражданских и политических правах; 3. Хельсинкского соглашения.

Они также обратились к христианам всего мира, надеясь на их помощь.

Основание:

1. Заявление В. Васильева (на русском языке).
2. Заявление В. Васильева о выезде из СССР (на русском языке).

Вильнюс, 2 июня 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.

Документ № 9

В Литве создано трудное положение для некоторых бывших политических заключенных. Создана сложная система дискриминации отбывших наказание заключенных. Ознакомившись с документацией и заявлениями разных лиц, мы установили:

1. Некоторым политзаключенным, выпущенным из советских тюрем и лагерей, до сих пор категорически запрещено возвращаться на свою родину в Литву, хотя в их приговорах нет ссылки или других ограничений гражданских прав (Витаутас Слапшинскас, вернувшийся в 1977 г. после

отбытия 25-летнего срока; вернувшиеся ранее Стяпас Бубулас, Костас Букнис, Антанас Декснис, Альфонсас Гайдис, Альгирдас Гасюнас, Робертас Индрикас, Антанас Янкаускас, Йонас Каралюс, Леонас Лебеда, Костас Лякшас, Йозас Микайлионис, Алексас Мостейка, Пятрас Палтарокас, Повилас Печолайтис, Витаутас Петрушайтис, Альбинас Раштинис, Винцас Селиокас, Йонас Шарканас, Владас Вайтекунас и др.). Их высылают без суда, только по указанию администраторов.

2. Часть возвратившихся такому распоряжению советской администрации (именно распоряжению, т. к. юристы утверждают, что закона такого нет и поэтому они не могут защищать права этих людей) не подчиняются и отказываются покидать Литву. Им приходится запастись терпением, стальными нервами, выдержкой и силой воли. Тогда, после продолжительного времени, администрация, применив разные взыскания и суды, в конце концов некоторых прописывает. Иногда терпит создавшееся положение и проживающего без прописки упрямо силой за пределы Литвы не выдворяет. Так случилось с арестованным 20 апреля с. г. Балисом Гаяускасом, прожившим 4 года без прописки в Каунасе. Но Повиласа Печолайтиса в Каунасе прописали, а затем прописку аннулировали и за проживание без прописки осыпали денежными штрафами. 20 мая 1975 г. его осудили на год в лагерь строгого режима, а после отбытия наказания опять не прописали ни в Литве, ни за ее пределами.

3. Иногда, дав разрешение проживать в Литве, администрация, по истечении длительного времени, передумает – аннулирует прописку и выгонит человека из Литвы (Леонас Лебеда, Костас Лякшас, Повилас Печолайтис и др.; в 1975 г. аннулировали прописку уже 10 лет прожившему в г. Плунге Казису Каткусу).

4. Советская администрация иногда любит играть в кошки-мышки. Например, вернулся Йозас Трибушаускас, прожил несколько лет в Паневежисе, затем его выгнали из Литвы. Тогда Трибушаускас обосновался в Латвии, но через два года ему опять разрешили вернуться в Паневежис.

5. Этим без суда и срока высланным людям никогда не известно время возвращения. Все зависит от прихоти администрации. Нельзя сказать, чтобы никому не разрешали вернуться. Например, 10 лет держали в Латвии священников Пятраса Ясаса, Антанаса Матрикаса, Казимераса Вайчиониса, Казимераса Василюскаса и др., но затем им разрешили вернуться. Только никто не знает, когда такое разрешение будет дано.

6. Подобные высылки без суда применяются и к людям, ранее не судимым. Так, уже почти 20 лет находятся в ссылке после отстранения от обязанностей апостолические администраторы Вильнюсской архиепархии и Кайшядорисской епархии епископы Юлионас Степонавичюс и Винцентас Сладкявичюс. Правда, их сослали на окраину Литвы, а не за ее пределы. В такой ссылке раньше умерли прошедший тюрьмы и лагеря архиепископ Теофилис Матулионис и епископ Пранцишкус Раманаускас.

7. Высылается чаще всего глава семьи – отец, а к нему на место ссылки вынуждена переселиться вся семья. Там очень актуален вопрос обучения на родном языке. В свое время в Сибири были запрещены литовские школы, хотя среди ссыльных не было недостатка литовских

учителей. Провалились также все усилия литовцев организовать литовские школы для своих детей и в Восточной Пруссии (ныне Калининградская область).

Таким образом, советская администрация Литвы не считается с международными обязательствами СССР, т. к. ссылает как бывших политзаключенных, так и несудимых граждан без всякого суда куда захочет, когда захочет и на любой срок. Вместе с высланным неизбежно попадает в ссылку и его семья.

Вильнюс, 14 июня 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.

Документ № 10

20 апреля 1977 г. был вызван в Вильнюсский КГБ и там арестован Балис Гаяускас, проживавший в гор. Каунасе. Четыре года назад 4 мая он вернулся из Мордовских лагерей, но все это время жил без прописки, так как уехать из Литвы отказался. В связи с этим ему неоднократно пришлось побывать в различных учреждениях и в суде.

Ранее Гаяускас был обвинен по 58 статье и 3 мая 1948 г. приговорен к 25 годам. Срок отбыл полностью в тюрьмах и лагерях. После возвращения неоднократно подвергался допросам, а 23.12.1974 и 7.2.1977 у него производились обыски. Во время последнего обыска в протоколе указана цель: "Изъять вещи и документы, могущие служить доказательством в деле". В поисках компрометирующих Гаяускаса материалов были подвергнуты обыскам Леонардас Ставскис и Она Григалиюнене в Каунасе. 22 апреля 1977 г. в Гируляе, под Клайпедой, был произведен обыск у Бируте Пашилене. В ордере указано было, что обыск ведется в поисках материалов по делу Балиса Гаяускаса. Проводившие обыск изъяли у Пашилене "Хронику текущих событий" № 43, рукопись под названием "Проектас" и две пишущие машинки (с литовским и русским шрифтами).

Из семьи Гаяускаса осталась только больная 73-летняя мать. Во время ареста сына она находилась в больнице по случаю операции. Через две недели после ареста Гаяускаса ей было письменно сообщено об этом, с указанием, что сын обвиняется по ст. 68 ч. 2 УК Лит.ССР. Таким образом, ему грозит лишение свободы от 3 до 10 лет и ссылка от одного года до пяти лет.

По делу Гаяускаса вызывались в КГБ в качестве свидетелей Леонардас Ставскис и Она Григалиюнене.

Основание:

1. Обращение-заявление Бируте Пашилене.
2. Описание обыска у Бируте Пашилене.

Вильнюс, 15 июня 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейн, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.

К нам письменно обратился эстонец Энн Тарто, рожд. 25.9.1938 г., проживающий в городе Тарту.

Энн Тарто был арестован в 1956 и 1962 гг. и провел 9 лет в советских тюрьмах и лагерях как политический заключенный. По возвращении КГБ не оставлял его в покое, неоднократно подвергал допросам. Он был исключен из высшего учебного заведения, допрашивался из-за связей с Натальей Горбаневской.

В этом году совершались четыре попытки поджечь здание, где проживает Тарто (в г. Тарту, ул. Анне № 20). Принимая во внимание, что в последнее время пожары возникли у нескольких московских диссидентов, мы решили это обращение Тарто опубликовать как документ.

Вильнюс, 26 июня 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейнас, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.

Документ № 12

До нас дошел крик, пронизывающий сердце крик человека из так называемых психиатрических больниц, а фактически – из тюрем. Этот крик первыми услышали и передали нам Йонас Волунгявичос (прож. в Вильнюсе), Бируте Пашилене (прожив. в Клайпеде), Ромуальдас Рагайшис (прожив. в Вильнюсе) и Ядвига Петкявичене (прожив. в Шауляе).

Это крик политзаключенного Альгирдаса Жипре, который в 1958 г. был приговорен по 58 статье к 25 годам, хотя в то время уже был указ, согласно которому высшая мера наказания могла быть только 15 лет лишения свободы. Приговоренный обращался в различные инстанции советской администрации, чтобы ошибка была исправлена. Поэтому Жипре, совершенно здоровый, сильный и принципиальный мужчина, был брошен, говоря лагерным языком, в "психушку", находящуюся в мордовском лагере Барашево 385/3-12.

Здесь условия намного хуже, чем в тюрьме: наглухо закрыто окно, строжайшая изоляция от внешнего мира, отсутствие прогулок. Заключенных избивают, насильственно делают инъекции каких-то якобы лекарств. Альгирдас Жипре был избит 20.10.1973 г. и 7.11.1975 г. Два раза его отправляли в московский Институт им. Сербского (29.9.1974 и 28.11.1977). Содержался он также в Бутырской тюрьме гор. Москвы. Сейчас Жипре увезен неизвестно куда.

Пусть его крик достигнет слуха и сердца каждого честного человека!

Основание:

1. Заявление Йонаса Волунгявичоса, Бируте Пашилене, Ромуальдаса Рагайшиса и Ядвиги Петкявичене.

2. Копия письма Альгирдаса Жипре "Будь здоров!".

Вильнюс, 1 июля 1977 г.

Отец Каролис Гаруцкас, Эйтанас Финкельштейнас, Она Лукаускайте-Пошкене, Викторас Пяткус, Томас Венцлова.

\$ 5. 00